

ЕЛЕНА ПАЛЕНОВА

КАШКАН
ДЛЯ ДЕМОНА

Придуманные миры

Елена Паленова

Капкан для демона

«Автор»

2024

Паленова Е.

Капкан для демона / Е. Паленова — «Автор»,
2024 — (Придуманные миры)

Книга "Капкан для демона" продолжает "Легенду о золотых драконах" и рассказывает о судьбе Дэнзета Уартхола - одного из друзей Маркуса Колехорта. Всем героям предстоит узнать много нового о мире, в котором они живут, и даже о самих себе.

© Паленова Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Паленова

Капкан для демона

Пролог

Два тысячелетия назад Тсалитан был не только самым большим из четырёх королевств Сальсирии, но и единственным, где официально существовали школы магии. Их было пять: Храм Воды, Храм Земли, Храм Огня, Храм Ветра и Храм Четырёх Стихий. Первые четыре из перечисленных школ давали своим ученикам лишь бытовые навыки. Выпускники Храма Воды и Земли, например, в большинстве своём становились покровителями фермеров. К магам огня на поклон шли кузнецы и ремесленники. Повелители стихии воздуха среди магов считались элитой, поскольку им была подвластна погода. Ветер не способен сдвинуть с места гору, но он может раздуть пожар из крошечного огонька свечи, превратиться в ураган, сметающий всё на своём пути, или сделать тёплый летний дождик губительным затяжным ливнем. По этой причине выпускников Школы Ветра побаивались даже другие маги, но закон был одинаков для всех – магию нельзя использовать во вред.

Выпускные экзамены в магических школах принимались не наставниками, а Гильдией оракулов. У членов этой гильдии был особый дар божественной силы, не относящийся к магии стихий – их слово могло стать как проклятием, так и благословением. За основанием школ стояли именно оракулы, поэтому они и принимали решение о том, достоин ли выпускник получить отличительный знак мага, или ему нужно продолжить учёбу. Знак мага давал выпускнику право на законных основаниях практиковать магию в мирных целях на территории любого из королевств Сальсирии. И в то же время он не избавлял от ответственности в тех случаях, когда колдовство в целях защиты оборачивалось для кого-нибудь смертью или серьёзными травмами. Даже если бытовой маг с отличительным знаком пытался защитить себя или других от нападения разбойников, и при этом кто-нибудь из нападавших погиб или пострадал, каждый такой случай рассматривался со всей строгостью судом Гильдии оракулов. Суд определял, можно ли было обойтись в бою без магии, и если вердикт выносился не в пользу мага, то его способности навсегда запечатывались проклятием, а отличительный знак изымался.

В мире, где три из четырёх королевств регулярно воюют между собой и злобно косятся в сторону четвёртого, подобное отношение к использованию магии в бою могло бы показаться откровенной глупостью, но в запретах крылся особый смысл. Ограничения для выпускников магических школ существовали лишь для того, чтобы маги были заинтересованы в продолжении обучения. Получив отличительный знак, каждый из них получал и выбор – втиснуть свой дар в рамки нелепых законов или стать адептом Храма Четырёх Стихий и добавить к знаку мага титул «боевой». После завершения обучения боевым навыкам титулованный боевой маг освобождался от ответственности за случайный вред противнику и подчинялся лишь законам того королевства, на территории которого проживает или ведёт свою деятельность.

Обучение в Храме Четырёх Стихий длилось всего три года, но преимуществ адептам оно давало в разы больше, чем могли получить выпускники бытовых магических школ. И всё же желающих занять титул и знак боевого мага было не слишком много – учёбу в Храме продолжала лишь треть обладателей простого знака. Большинство новых адептов не выдерживали даже первые тренировки, а до выпуска через три года дотягивали и вовсе единицы. Храм Четырёх Стихий существовал не ради раздачи титулов – он готовил настоящих магов-воинов.

Со стороны это выглядело разумным решением. Магов-самоучек во всех четырёх королевствах было предостаточно, и их услуги стоили в разы дешевле, но Храмы давали своим ученикам качественные знания. Наличие даже простого знака мага означало, что у человека

намного больше навыков, и он отлично контролирует силу своих умений. Знак гарантировал качество, а оно всегда ценилось очень высоко. Правители и знать королевств предпочитали не экономить на качестве магии. Крестьяне и простые ремесленники, конечно же, пользовались дешёвыми услугами самоучек, но в знатных домах и при королевских дворцах это было не принято. Да, даже один титулованный боевой маг обходился нанимателю дороже, чем две дюжины необученных, но наличие такого мага повышало и статус, и уверенность в собственной безопасности. К тому же, интересы королевств при этом не страдали – после завершения обучения все маги возвращались домой и только после этого получали право самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

Так это выглядело со стороны, а на деле всё было немного иначе. Вступительное испытание при поступлении в магические школы было предназначено лишь для того, чтобы определить дар, степень его развития и подходящую для ученика стихию. На этом этапе не отсеивался никто, но отбор шёл уже в процессе обучения. В ходе промежуточных экзаменов выявлялись самые слабые, безнадёжные или неконтролируемые ученики, их дар запечатывался проклятием оракула, и несостоявшиеся маги возвращались домой даже без того, с чем оттуда уходили. Окончить школу и получить знак мага удавалось лишь половине поступивших. Но это не останавливало родителей одарённых детей – и крестьяне, и знать стремились отправить подающих надежды отпрысков учиться. Оракулам не было дела до родословной будущих магов, они ценили лишь сам дар, и это тоже играло большую роль. Бездари уходили лишёнными возможности развивать свои способности, а перспективные ученики уверенно двигались вперёд. Если выражать всё это в цифрах, то из сотни желающих получить знак мага получали этот знак всего пятьдесят выпускников. Около двадцати из них пытались продолжить учёбу в Храме Четырёх Стихий, но титул боевого мага доставался в лучшем случае пятерым. В этом Храме существовали те же условия промежуточных отборов, что и в низших школах – все выбывающие навсегда лишались своих способностей. И что получалось в итоге? Из ста человек, принятых в магические школы, обладателями простого знака мага становились лишь тридцать, а титулованными боевыми магами – всего пятеро. Тридцать пять процентов. Это в среднем, год от года значения менялись то в одну сторону, то в другую, но суть оставалась неизменной – оракулы лишали дара больше половины учеников, и никто не мог предъявить претензии по данному поводу, поскольку правила обучения в секрете не держались. А постепенно в результате несправедливых судилищ уничтожались и отступники, нарушившие законы магов.

Но это ещё не всё. Выпускники всех пяти Храмов на открытой церемонии вручения отличительных знаков давали одинаковую клятву, в которой помимо множества пафосных обещаний звучали главные слова: «Клянусь хранить верность Храмам Стихий». Обладатели обычных знаков мага клялись в верности своим школам, а титулованные боевые маги – Храму Четырёх Стихий. Вроде бы ничего особенного, но торжественная клятва сопровождалась наложением на выпускника «благословения» оракулов, которое на самом деле являлось проклятием. Храмы были основаны оракулами как независимые, но по сути они принадлежали королевству Тсалитан. Произнося слова клятвы, молодые маги клялись в верности именно этому королевству. Отступничество в любом виде для давших клятву мага означало немедленную смерть.

В те далёкие времена Сальсирия была огромным континентом. Север принадлежал королевству Иллиафия, за исключением одного крошечного уголка на северо-западе – там гора Таорнаг и узкая полоса каменистой почвы вдоль неё считались независимыми землями рода Хараган. Срединные земли Сальсирии поделили между собой два других королевства – Хейнорм занимал всю восточную часть материка и растянулся наискось вдоль границы Иллиафии до Таорнагского Хребта на западе, а Сазалинии достались не слишком плодородные юго-западные земли и весь Хребет. Несмотря на особенности расположения, упомянутые три королевства были равны по общей площади, но в плане пригодных для жизни земель Хейнорму

повезло больше других. Ну а юг Сальсирии всецело принадлежал Тсалитану. Там была пустыня – огромная территория, выжженная палящим солнцем и высушенная горячими южными ветрами. Обитаемые земли располагались лишь в восточной части королевства, где на нагорье климат был немного мягче. И если Иллиафия, Хейнорм и Сазалиния постоянно имели друг к другу какие-то претензии относительно границ, то в сторону Тсалитана никто даже не косился – там нечем было владеть.

Пока северные соседи враждовали между собой за каждую пядь земли, Тсалитан процветал за счёт торговли одновременно со всеми участниками конфликтов. С трёх сторон омываемое океаном, это королевство имело самый большой торговый флот. Крупный порт располагался в столице на востоке – городе Тсаларе. По южному и западному берегам были разбросаны ещё несколько небольших портовых городков, в которых команды торговых судов могли пополнить запасы пресной воды и пищи. А торговал Тсалитан всем подряд от дорогих тканей и пряностей до оружия и рабов. Основной доход королевство получало именно от работорговли, причём наглое похищение людей из соседних королевств зазорным не считалось. Если кто-то и был против такого бесчестного ведения дел, то предпочитал держать своё мнение при себе, опасаясь гнева всемогущих тсалитанских оракулов.

Столица и ещё два крупных города на востоке, несколько торговых городков вдоль побережья и бескрайняя мёртвая пустыня в центре – таким был Тсалитан. От земель Сазалинии и Хейнорма его отрезал загнутый хвост Таорнагского Хребта, пересекавший континент с запада на восток. Путь по суше через горы был только один – в Хейнорм. Морем можно было добраться в любое из королевств, поскольку даже у Сазалинии имелись два порта в заливах на западе. На содержание военных кораблей и армии правители Тсалитана не тратились – незачем было. Никто в здравом уме не рискнул бы открыто воевать с соседом, за которым стоят оракулы. На приграничном горном перевале и в городах имела стража, но лишь для поддержания внутреннего порядка. А на крайний случай близ столицы были основаны Храмы Стихий – против обученных магов тоже мало кто захочет поднять обычное оружие.

Вот для чего нужны были магические школы – за их счёт Тсалитан наращивал своё могущество. Пока другие королевства активно тренировали простых вояк, Храмы Стихий ненавязчиво отнимали у потенциальных противников магический ресурс. От неугодных избавлялись под благовидными предложениями, а сильных воспитывали, обучали и заставляли давать клятву, которую невозможно нарушить, не лишившись при этом жизни. У Тсалитана была армия – тайная, магическая, разбросанная по всему континенту. Если бы появилась такая нужда, в любом из трёх северных королевств можно было бы очень быстро найти адепта, который принёс клятву верности. Напомнить слова клятвы, заставить выполнять неприятные приказы – всё это было продумано. Маги даже не догадывались о том, что они – всего лишь оружие в руках тсалитанских оракулов. Скрытый ресурс, о котором до поры до времени не нужно знать никому. Что может противопоставить даже дюжина самоучек титулованному боевому магу? Да ничего. И если бы правителям Тсалитана вздумалось расширить границы своего королевства на весь континент, война с возражающими длилась бы не слишком долго.

Так и должно было случиться. Оракулы продумали план захвата Иллиафии, Сазалинии и Хейнорма до мелочей. Они даже дату полного уничтожения королевских семей назначили. Ни о каких наместниках речь не шла – все территории предполагалось объединить в одно королевство с гордым названием Империя Тсалитан. И править этой империей полагалось древнему и многочисленному роду тсалитанских правителей.

Увы, в своих грандиозных планах оракулы как-то умудрились потерять из виду одну маленькую деталь – независимое лордство Хараган на северо-западе Иллиафии. Не королевство, а именно лордство, потому что Хараганы на протяжении нескольких веков наотрез отказывались называть себя королями.

Легенда гласила, что Сальсирия была создана Великой Богиней Иллиарой Даар не для людей, а для драконов. Люди пришли в этот мир гораздо позже. И пока юная богиня продолжала учиться, создавая другие миры, люди ухитрились истребить в Сальсирии всех её крылатых любимцев. Остался только один дракон, последний. И как раз в тот момент, когда он тоже должен был расстаться с жизнью, Иллиара Даар наконец-то спохватилась. Она успела спасти последнего дракона, но при этом связала биение его сердца с сердцем драконоубийцы, имя которому было Ландр Хараган. Суть заключалась в том, что Сальсирия якобы создана на драконьей магии. Если умрёт последний из драконов, весь этот мир канет в небытие. Но если он выживет, то породит новых драконов, и снова начнётся непримиримая борьба между людьми и крылатыми чудовищами. Богиня придумала простой выход из этой ситуации – она взвалила ответственность за судьбу человечества на род Хараганов. Пока бьётся сердце последнего мужчины этого рода, последний дракон будет мирно спать под горой Таорнаг и никому не причинит беспокойства. При этом в каждом последующем поколении у Хараганов может появиться на свет только один мальчик, а матери всех детей, включая девочек, будут умирать в родах.

Это жестокое решение на протяжении многих столетий заставляло Хараганов отказываться от любви, потому что терять любимых очень больно. Они начали видеть в женщинах только средство получения долгожданного наследника. О сделке Харагана с Великой Богиней узнал весь мир, потому что последствия касались всех. Если последний наследник проклятого рода умрёт раньше, чем подарит Сальсирии следующее быющее сердце, дракон проснётся и начнёт кровавое пиршество. Осознав это, люди буквально обезумели. Одни начали возводить Храмы Даар во всех королевствах и воспитывать там наложниц – потенциальных матерей-мучениц для будущих поколений Хараганов. Другие считали участь проклятого рода величайшей честью и придумывали способы перетянуть это одеяло на себя. Третьи желали Хараганам смерти только потому, что почитали драконов за богов.

Оракулы Тсалитана не верили, что под горой Таорнаг спит последний дракон – никаких доказательств этому в наличии не имелось. Легенду и существование проклятия они тоже ставили под сомнение, считая Хараганов очень ловкими мошенниками. Род Хараган возвысился, объявив своих наследников Сердцем Сальсирии. Доверчивый народ с трепетом ожидал появления на свет очередного лорда Харагана, а когда это случалось, семья наследника получала поистине королевские дары от всех четырёх королевств. Но при этом попасть в замок Латернон у горы Таорнаг мог довольно-таки ограниченный круг избранных – туда даже королей впускали исключительно по предварительному об этом соглашению. И с помощью магов выяснить правду было нельзя, поскольку земли Латернона охранялись фьорагами – огромными свирепыми псами, ненавидящими магию в любых её проявлениях. Даже если магу и удавалось обмануть стражу и пересечь мост через реку Таор, на другом берегу никто из таких ловкачей не смог сделать и десяти шагов – фьораги просто разрывали таких гостей на куски.

К тому моменту, как Тсалитан вознамерился стать Империей, о Хараганах было доподлинно известно немного. У Латернона есть хорошо обученная армия, но она насчитывает немногим больше пяти сотен воинов. Магов у них нет. Последний наследник рода Нэйджел Хараган при весьма странных обстоятельствах сочетался браком с Алимеей Рионской – дочерью какого-то мелкопоместного князя или барона северо-западных земель Иллиафии, граничащих непосредственно с Латерноном. Сам лорд погиб ещё до того, как леди Алимея во всеуслышание объявила себя его законной супругой. Дракон после смерти Харагана не пробудился, но леди Латернона и Риона на сносях, поэтому народ уверен, что вскоре она подарит Сальсирии нового наследника.

Оракулы сочли этот клочок суши недостойным своего внимания. Вдова умрёт в родах, как и все женщины Хараганов до неё. Неважно, наказание Великой Богини это, или Хараганы сами убивают своих женщин, чтобы поддерживать легенду – в Латерноне из правящего рода останутся только малолетняя дочь Нэйджела и новорожденный младенец. Воевать там будет

не с кем. Даже если на свет появится мальчик, его опекун будет вынужден подчиниться воле Императора Тсалитана. В противном случае Латернон будет полностью уничтожен, и его не спасут ни фьораги, ни немногочисленная стража.

Тсалитан просчитался именно на Харганах. Оракулы игнорировали Латернон до тех пор, пока не получили из надёжного источника весть о том, что дракон Таорнага всё же пробудился. Драконы – существа особенные и вроде бы разумные. Их магия не изучена, и было непонятно, как вписать эту новую деталь в грандиозный план становления Империи. Даже один живой дракон мог стать хорошим союзником или опасным врагом, поэтому для уверенности требовалось хотя бы как-то обезвредить его на тот период, пока четыре королевства будут перевоплощаться в одну Империю. Но как обезвредить дракона, ничего о нём не зная? Убить? Но если он существует, то и легенда может оказаться правдивой. Смерть этого единственного дракона может стать причиной гибели всей Сальсирии. Оракулам пришлось перенести дату нападения Тсалитана на три других королевства на неопределённый срок – до тех пор, пока не удастся изловить дракона. Они не могли допустить, чтобы крылатый хищник, прячущийся в горах Таорнагского Хребта, свёл все грандиозные планы на нет.

Началось осторожное изучение ситуации в Латерноне, в ходе которого выяснилось, что последний лорд Хараган неожиданно воскрес из мёртвых после того, как кто-то похитил его беременную супругу. А потом Нэйджел Хараган снова испарился, но появился дракон, вернувший леди Латернона домой. Дракона искали, но так и не смогли найти. По весне Алимея Рионская родила наследника рода и умудрилась выжить. Проклятие Хараганов, если оно существовало, каким-то образом оказалось снято.

Праздник в Латерноне начался со дня появления наследника на свет ранней весной и продолжался до начала цветения садов. Народ всех четырёх королевств всё это время дрожал от ужаса, ведь если дракон жив, то непонятно, чего от него можно ждать, а если кто-нибудь убьёт это чудовище, то Сальсирии настанет конец. Не дрожали только оракулы, поскольку придумывали новый план. Они решили выдать нападение на северные королевства за милость. Люди боятся дракона? Хорошо. Пусть боятся. Тсалитан встанет на их защиту. Поставит титулованных боевых магов во всех краях под свои флаги и заставит их поймать крылатого хищника. Так для оракулов откроются двери во все королевские дворцы, и уничтожить врагов будет намного проще.

Их первоначальный план мог бы сработать, если бы они продолжали ему следовать. Пока Латернон варился в котле собственных проблем, Сальсирия вполне могла стать единой Империей, но Тсалитан упустил этот шанс. В тот день, когда оракулы разослали правителям Иллиафии, Сазалинии и Хейнорма весть о том, что Храмы Стихий готовы сплотить своих выпускников для поимки опасного чудовища, случилось нечто непредсказуемое – магия покинула Сальсирию. Вся магия. Остались только способности божественного происхождения – дар провидцев и дар оракулов. А Нэйджел Хараган в тот день вернулся в Латернон и объявил, что в этом мире больше никогда не будет ни драконов, ни колдовства.

Тогда Сальсирия не прекратила своё существование, но фактически оказалась полностью разрушенной – вся, включая алчный Тсалитан. Не пострадали только Латернон и те уголки континента, где люди отродясь магией не пользовались. Стены великолепных дворцов, укреплённые и украшенные с помощью колдовства, осыпались буквально на глазах. Природа наконец-то получила возможность поливать земли дождями или высушивать их солнцем тогда, когда это угодно ей, а не магам. Алхимики и безмагические знахари не справлялись с работой, потому что за помощью с любым недугом тогда можно было обратиться только к ним. Сельское хозяйство, промышленность, торговля – в упадок пришло абсолютно всё. Люди не привыкли жить без магии, им фактически пришлось голыми руками поднимать королевства с колен.

В Храмах Стихий, знаках магического отличия и титулах больше не было никакого смысла. Всё это исчезло. Тсалитан лихорадило не так сильно, как другие королевства,

поскольку он существовал в основном за счёт торговли. Да и оракулы сохранили свои способности, поэтому мародёрство в пределах королевства или нападения извне были исключены. Это был, пожалуй, самый удачный момент во всей истории Сальсирии, когда можно было создать единую Империю, но несостоявшийся первый Император отказался от этой затеи – ему нужно было сначала навести порядок в собственном доме, прежде чем зариться на чужие.

Смутное было время. В какой-то момент правителей Иллиафии, Сазалинии и Хейнорма возмутило то, что Тсалитан, несмотря на всеобщее тяжёлое положение, продолжает похищать людей из других королевств и перепродавать их как рабов. Громче всех возмущался король Сазалинии, поэтому проклятие оракулов коснулось в первую очередь именно его народа. Так появились кьорвиги – дикое кровожадное племя, лишённое понятия о чести и желания развиваться. Оракулы показали возмущённым, что может быть зло похуже рабства. Страшно не тогда, когда дорогих тебе людей превращают в товар, а тогда, когда их на твоих глазах убивают другие родственники – просто так, без особых причин, за кусок хлеба, красивую вещь или приглянувшуюся женщину. Необузданные люди-звери куда страшнее торговцев рабами.

Разруха, хаос, междоусобицы, кьорвиги – Сальсирия ещё не успела прийти в себя после этих ударов, а её уже поджидал новый. Сначала это было не слишком заметно, но Океан начал подниматься. С каждым годом он поглощал всё больше суши. Заливы и порты затапливало. Прибрежные города отодвигались всё дальше и дальше вглубь континента. Высокие приливы приносили солёную воду в низины, уничтожая плодородные земли. Люди винили оракулов и в этой беде тоже, за их головы даже цену начали назначать, но вина была не за Тсалитаном. Только тогда, когда началась настоящая резня, Хараганы решились озвучить правду.

Сальсирия существовала за счёт магии, но не драконьей. Жизнь в этот мир вдохнула Великая Богиня Иллиара Даар – она же эту жизнь и отняла. Легенда о проклятии рода Хараган была лживой, как и большинство других легенд. Её придумала сама Великая Богиня. Придумала и накрепко вбила в голову охотника за драконами Ландра Харагана, убившего последнее крылатое чудовище. Так она хотела наказать людей за смерть всех драконов Сальсирии, а потом целую тысячу лет забавлялась, наблюдая за тем, как Хараганы страдают, а другие люди трясутся в страхе и превозносят проклятых. Но Нэйджел Хараган удивил её. Он оказался единственным представителем своего рода, способным на самопожертвование. Иллиара Даар сочла его достойным награды, а человечество – недостойным магии.

Такова справедливость богов – одной рукой они оказывают милость, а другой в то же время отнимают гораздо больше. Великая Богиня простила Хараганов, но не смогла простить людей. Сальсирия существовала для драконов, а без них её существование утратило смысл. Иллиара Даар знала, что её решение уничтожит этот мир.

Хараганы не надеялись этой правдой остановить стихию. Они тоже не сразу догадались, почему Океан вздумал затопить континент, но сильно состарившийся к тому времени лорд Нэйджел вспомнил, что богиня говорила о магии этого мира. Правдой он лишь хотел выторговать у гибнущих королевств помилование для оракулов, а у оракулов – избавление Сальсирии от кьорвигов. Континент погружался под воду не стремительно, и люди ещё могли успеть придумать, как им выжить, но для этого нужен был мир. Ежеминутно думая о том, как уберечься от клинка, о благополучии будущих поколений размышлять сложно. Остановить бесполезное кровопролитие – вот чего добивался старый лорд Хараган. А добился в итоге только казни для всех представителей своего рода, включая стариков и новорожденных детей. С оракулов обвинения в потопе были сняты, и охота на них прекратилась, но лишь потому, что нашёлся другой виновник. Ещё и сам признался, что Великие Боги устроили потоп не без его участия.

С тех пор прошло уже две тысячи лет или даже больше. Архивов о том времени практически не осталось – солёная морская вода не пощадила и их тоже. Большой континент превратился в группу разрозненных островов. Если бы Иллиара Даар не вздумала подарить умирающий мирок своей дочурке Краонгре в качестве игрушки, не было бы и того, что юной

богине удалось спасти. Краонгра успела остановить Океан. Она вернула Сальсирии магию и даже вновь создала драконов, за что впоследствии была сурово наказана матерью. Благодаря этой богине, изгнанной из Небесных Храмов Даар, человечество не погибло. Но оно и не изменилось.

От континента остались лишь несколько островов – бывшие возвышенности, нагорья и горы, которые не успел поглотить Океан. Самый большой из этих островов сохранил изначальное название материка – Сальсирия. Остров похож на сломанный серп, острый конец которого должен бы был находиться на северо-западе, где раньше располагались Латернон и Рион. Но там теперь остался лишь безжизненный каменный остров – гора Таорнаг. Узкая полоска обитаемых земель острова Сальсирия начинается восточнее, постепенно расширяется и уходит далеко на юг. Север так и остался за Иллиафией, но равнин там теперь практически нет – есть только скалы, плавно опускающиеся в воды Грязного моря на юге и круто обрывающиеся вниз на севере. Иллиафия утратила две трети своих земель. Её столица Гоотарн передвинулась на восток, где хотя бы есть леса и луга для выпаса скота.

Хейнорм пострадал меньше – Океан, который теперь называется Грязным морем, отобрал у него лишь треть земель, граничивших с Иллиафией в западной половине бывшего континента. Столичный город Лирд как стоял на восточном побережье, так там и остался, но передвинулся на пару миль западнее.

Тсалитан лишился большей части своих пустынных владений, но его правители никогда за землю и не цеплялись. От прежнего величия остался лишь по-прежнему отрезанный горами юг нынешнего острова Сальсирия – бывшая восточная часть королевства. Сохранились два крупных города из трёх – оба портовые. К тому же есть четыре небольших порта, чем другие королевства очень долго не могли похвастаться из-за частых набегов кьорвигов. Воинственное племя породили тсалитанские оракулы – уж о своей-то неприкосновенности они заранее позаботились.

А Сазалиния исчезла полностью. От неё остался лишь остров Сеар – бывшая провинция, где стараниям оракулов впервые появились кьорвиги. Сохранилась и ещё одна приличная по площади возвышенность, которая теперь называется островом Дайтан. До потопа эта земля принадлежала Хейнорму, но когда клочок суши оказался изолированным, а Океан перестал поглощать его территорию, предприимчивая знать из оставшихся там обитателей объявила остров двумя новыми королевствами Аукерост и Кайорика – по родовым именам новоявленных королей.

Границы старых и новых королевств менялись сотни раз. Маленькие королевства появлялись и исчезали с невероятной скоростью. Пока люди пытались спасти свои жизни от потопа, такого не было, но потом междоусобицы вспыхивали повсеместно. Мир изменился, и каждый, кто чувствовал в себе силу, стремился стать королём.

До появления в Сальсирии богини Краонгры этот мир тонул не только в солёной воде, но и в панике, ужасе и взаимной ненависти. Он погибал во всех смыслах этого слова. Но многое ли изменилось, когда Океан остановился, а магия и драконы вернулись? Краонгра спасла остатки земель, но не людей, которые на них жили. Даже богам не под силу спасти то, что уничтожает само себя.

Хаос длился несколько сотен лет. Каков этот мир теперь? В нём стало меньше суши, но появилось больше королевств. Магии снова нет, но теперь в этом повинны не Хараганы, а Колехорты – новые правители острова Сеар, ныне переименованного в Акильфадия. Магию у Сальсирии в очередной раз отнял один из Великих Богов Даар, но акильфийской королеве Вее Колехорт чудом удалось сохранить её для себя и горстки своих соплеменников. Виновна ли она? По мнению тсалитанских оракулов – да, виновна. Именно эта женщина смогла снять проклятие, на протяжении двух тысячелетий превращавшее добрых людей в кровожадных кьорвигов. Именно она ухитрилась подчинить себе всех без исключения драконов Сальсирии.

Крылатых чудовищ великое множество, они разные, но Вея Колехорт командует не только ими – ей подчиняется сама богиня Краонгра, воплощённая в золотого дракона. И магия... В этом мире есть только одна могущественная колдунья – королева Акильфадии Вея. Некоторые другие акильфы тоже располагают скромными способностями, но они своей повелительнице и в подмётки не годятся. Вся магия этого мира принадлежит ей. А ещё она замужем за человеком-драконом, но это уже мелочи.

Разве достойна какая-то бывшая акильфийская целительница такого могущества? Разве могла она получить его честным путём? Не она ли приказывает драконам нападать на людей? Не её ли колдовство сталкивает мирных соседей лбами, заставляя их начинать кровопролитные войны по пустячным поводам? А кто снова заговорил об отмене рабства, когда на нём держится экономика всех крупных королевств? Что это, если не попытка получить власть над всем миром? Что скажут короли, когда Вея Колехорт поставит их на колени и объявит себя Императрицей? Может, пора объединиться и положить этому конец? Какого наказания заслуживает тот, кто замахнулся на титул Императора Сальсирии для себя, а не для законного правителя Тсалитана?

За такое кощунство наказание может быть только одно – род Колехортов должен полностью прекратить своё существование.

Глава 1

– Чушь какая-то, – проворчала Навина себе под нос, надеясь, что сопровождающий не услышит эти слова.

Но лорд Генри Луд всё услышал. Вперил в неё свои злобные пороссячи глазки и дёрнул щекой, поправляя пенсне.

– Вы что-то сказали, юная леди?

– Я чихнула, – виновато заморгала девушка. – Простите. Простудилась, наверное, в пути.

Старичок окинул недоверчивым взглядом её меховую накидку и вопросительно приподнял ту из бровей, которая не придерживала стеклянную линзу.

– Шутить изволите?

– Нет, – с невинным видом отозвалась Навина. – Это у вас в Тсалитане круглый год лето и жара, а у нас в Иллиафии ещё зима не закончилась. Я же не весь месяц по благоухающим садам путешествовала, чтобы добраться сюда, правильно? А в Хейнорме вообще холодный ветер беспрепятственно гуляет с запада на восток и обратно.

Для большей убедительности она несколько раз кашлянула в кулак и потрогала взмокший лоб рукой – не начался ли жар? Лорд Генри тоже потрогал её лоб и недовольно поморщился.

– Вам нужно было переодеться ещё на перевале. В этих мехах вы сваритесь раньше, чем мы доедем до Тсалара. Хотя бы накидку снимите.

– Мне холодно, – солгала Навина и снова уставилась на проплывающий мимо унылый тсалитанский пейзаж.

Давным-давно семья Тир была чуть ли не самой знатной в Иллиафии, но время и бедствия отняли у благородного рода практически всё. Красивая родословная и громкое имя утратили свою ценность одновременно с истощением кошелька. Нынешний король считал обнищавшую аристократию бесполезным мусором и относился к таким подданным с величайшим презрением. В его замке в Гоотарне двери открывались только для тех, кто был богат. Отец рассказывал Навине, что при прежнем короле всё было иначе. Тот король ценил верность и заботился о своём народе. Несмотря на трудное финансовое положение и регулярные набеги кьорвигов на побережье, он для всех находил если не возможность поддержки, то хотя бы доброе слово. Даже в суровые зимы в его королевстве никто не голодал. Но тот король умер два с половиной года назад – как раз в то время, когда меллеорские ведьмы объявили Вею Колахорт божеством. На поклон к ней в Меллерию от Иллиафии прибыли лишь послы, поскольку новый король не счёл для себя допустимым кланяться дочери шлюхи.

Леди Вея была акильфийской целительницей. Она появилась на свет от союза главы клана акильфов Тангура Кога и его наложницы – колдуньи Аллелии. Акильфы – клан колдунов, изгнанных из Сеаркаты. Преступники. Глава клана – их главный надзиратель. Акильфадия – крошечный полуостров, ставший для изгнанников домом и тюрьмой. Тогда всё было не так, как теперь. Теперь Акильфадией называется весь остров Сеар, и Вея Колахорт – больше, чем королева этого острова. Божество она или нет, но нынешний король Иллиафии даже ногтя на мизинце её ноги не стоит. Эта женщина заботится не только о своём народе – она пытается весь мир изменить к лучшему. А что в это время делает иллиафский правитель? Он по частям продаёт своё королевство Тсалитану! Его народ сам подставляет плоть под рабское клеймо, потому что рабов хозяева хотя бы кормят.

Он продал Гильдии работорговцев и Навину Тир тоже. Она – единственная дочь своих родителей. Всю прибыль от этой сделки за вычетом законного налога должна была получить её семья, но золото утекло в карман короля. Мама болеет, ей нужны лекарства. Отец четыре года назад в бою с кьорвигами лишился правой руки и одного глаза – он уже не способен обеспечивать семью. Прежний король назначил покалеченному воину небольшое содержание,

но его сын отнял и это. А теперь с родителями нет и Навины, которая работала на ферме и была в состоянии прокормить родных.

Она не стеснялась того, что её род давно утратил лоск иллиафской знати. В Иллиафии подобное случилось со многими семьями. На севере сложно что-либо производить или выращивать, там климат суровый, а кьорвиги ещё и порты не оставляли в покое со времён потопа. Теперь кьорвигов нет, за что весь мир должен быть благодарен Вее Колехорт, но за два тысячелетия бедствий от северного королевства мало что осталось. На словах оно красивое и величественное, а на деле – безжизненная пустошь. Если бы не явный интерес Тсалитана, Хейнорм уже давно и без боя заграбастал бы эти земли себе.

Навине не было стыдно ни за свою семью, ни за бедное платье, в котором она покинула родительский дом. Единственный тёплый плащ девушка оставила больной матери, а накидку из дорогого лисьего меха ей дали работорговцы – чтобы приобретение не околело в дороге от холода. Грязное море на севере в это время года сильно штормило, поэтому путешествовать в Тсалитан предстояло обозом – в открытой повозке вместе с другими рабами. Таких повозок было четыре – по шесть человек в каждой. И возничий. Работорговцы передвигались верхом. Они были хорошо вооружены, но нападения не опасались, поскольку никто в здравом уме не рискнул бы разевать рот на собственность Тсалитана. Оружие нужно было для защиты от диких зверей – они повсюду водились в большом количестве.

Работорговцы хорошо заботились о своём товаре. По пути из Иллиафии в Хейнорм они не потеряли никого, но потом один мальчик всё-таки простудился. Его пытались лечить, но лихорадка усиливалась с каждым днём, и несчастный умер на четвёртый день. Вслед за ним заболели ещё трое – крепкий на вид юноша и две девушки, которых просто убили и бросили у дороги, чтобы они не успели заразить остальных. Навина отказывалась снимать меховую накидку, потому что на старом платье осталась их кровь. Она пыталась помешать жестокому убийству. Встала на защиту соплеменников, но в итоге только сама пострадала – один из работорговцев сильно ударил её по голове. Когда пришла в себя, одна из девочек рассказала, что негодяи расправились с заболевшими, после чего протащили бездыханную Навину через их тела к повозке, в результате чего её платье и испачкалось.

Всё это было ужасно и просто немыслимо. Путь через Хейнорм Навина практически не помнила – она очень плохо себя чувствовала, периодически теряла сознание, страдала от головной боли, а на еду даже смотреть не могла. Её тошнило в том числе от запаха собственного, давно не мытого тела. Когда обоз преодолел путь через узкое ущелье на границе между Хейнормом и Тсалитаном, работорговцы решили, что пришло время придать живому «товару» товарный вид. Там был постоянный двор – его Навина тоже помнила плохо. Зато она отлично запомнила боль пощёчин и угрозы. Всех рабов заставили хорошенько вымыться и переодеться, но били только её – за потерю узелка со сменной одеждой. Такие узелки каждый из рабов получил ещё в Иллиафии со строгим наказом хранить имущество Тсалитана пуще собственной жизни. Навина не могла вспомнить, при каких обстоятельствах она потеряла узелок, и это злило её мучителей ещё сильнее. Работорговцы устали, их изначально раздражала необходимость передвигаться не морем, а по тракту, поэтому любую оплошность подопечных они готовы были считать едва ли не преступлением. В итоге девушку заставили просто застирать пятна на платье, а потом высушить одежду у очага.

Ей доходчиво объяснили, что лорд Генри Луд, для которого была куплена эта партия рабов, не терпит грязи. Сменная одежда приобреталась по размеру уже после того, как были выкуплены сами рабы. К сожалению, в гардеробе хозяйки постоянного двора подходящих по размеру вещей для Навины не нашлось, поэтому девушке посоветовали молиться, чтобы лорда Генри не оказалось в Городе Рабов, когда туда привезут его товар. Город Рабов – это невольничий рынок к югу от столицы Тсалитана. Обоз должен был пройти в объезд Тсалара, поэтому возможности приобрести даже скромное платье для бестолковой рабыни у работорговцев не

было. Они и накидку-то хотели забрать, поскольку она дорогая, но не рискнули – если бы кто-нибудь из осведомлённых людей увидел, что приобретение лорда Генри щеголяет в заляпанном кровью платье, ему немедленно доложили бы об этом. Даже за такую малость он вполне мог снизить стоимость выкупа всей партии вдвое – это в лучшем случае. А платил господин Луд за хороший товар много, и терять такого покупателя работоторговцам не хотелось.

Когда лорд Генри в роскошном открытом экипаже встретил обоз на полпути между горным перевалом и столицей, Навине было велено стать невидимкой. «Заткнись, скройся с глаз и сделай так, чтобы он сейчас тебя не заметил», – приказали ей. Но так уж вышло, что господин приехал встречать именно эту девушку. Торговцы живым товаром дружно дара речи лишились – они подобного обращения с рабами не видели никогда. Старый лорд вёл себя предельно учтиво и галантно, хотя обычно он начинал плевать ядом даже в тех случаях, когда придраться было не к чему. Но Навину напугали предупреждения о характере этого сморщенного человечка. Она не рискнула жаловаться или высказывать неуважение. Закуталась в мех с головы до пят, пересела в его экипаж и почти всю дорогу терпеливо помалкивала, слушая абсурдные обвинения лорда в адрес правителей Акильфадии.

Зачем он говорил это всё? Ни один человек в здравом уме не поверит, что Вея Колехорт жаждет власти над всем миром. Да, правители Акильфадии выступают против рабства. Они даже выкупают рабов у Гильдии и контрабандистов, чтобы вернуть несчастных в семьи. На их помощь Навина и надеялась – она попросила отца найти способ отправить Колехортам письмо с просьбой о выкупе единственной дочери рода Тир. Акильфы никому не причиняют зла. Они защищаются и наказывают врагов за нападения, но так поступают все короли. Почти все. Продажный король Иллиафии не в счёт. А драконы? Вея Колехорт кормит их людьми? Идей бредовее этой Навине слышать ещё не доводилось.

– Всё-таки снимите накидку, – с нажимом повторил лорд Генри. – Я могу согласиться с тем, что ночью в горах было прохладно, но сейчас от этого меха для вас вреда больше, чем пользы.

– Почему вы со мной так вежливы? – не удержалась Навина от вопроса, который беспокоил её с первого момента знакомства с неприятным старичком. – И если приехали именно за мной, значит, это была не случайная сделка? Вы ведь купили меня с какой-то конкретной целью, хотя мы даже не знакомы. Зачем я вам?

– Как много вопросов... – недовольно поморщился старый лорд. – Я вежлив с вами, юная леди, лишь по одной причине. Вы мне не принадлежите. Я всего лишь посредник. За заказчика ответ держать не могу, поэтому от дальнейших расспросов прошу меня избавить.

– То есть это не вы меня купили, а кто-то другой? – уточнила девушка.

– Именно так, – подтвердил лорд Генри.

– Отлично!

Она всё-таки сняла накидку – раз уж этот старикан не её новый хозяин, то пусть убирается к демонам со своими привычками и запросами. Не понравится ему испачканное платье – его проблемы. Не умирать же от жары только потому, что тсалитанский лорд не выносит вида грязных вещей.

Лорд Генри отреагировал на её потрёпанный внешний вид очередным удивлённым поднятием свободной брови, нервно дёрнул скулой, но промолчал. Отвернулся даже – наверное, ему действительно претило такое зрелище. Но это было и к лучшему, поскольку Навине не нравилось слушать его бредовые речи о преступных замыслах акильфов.

Следующие два часа пути они проделали в молчании. Экипажем управлял возница, но он только на двух тонконогих лошадок прикрикивал, а на пассажиров внимания не обращал. Поначалу пустоши вдоль дороги казались Навине скучными, но вскоре дорога пошла под уклон, скудную растительность сменила сочная зелень виноградников, а вдали на гори-

зонте показались три тонких шпиля, упирающиеся острыми концами прямо в большое жёлтое облако.

– Похоже, Тсалар снова накрыло песчаной бурей, – впервые за всё время пути подал голос возникший.

Лорд Генри нахмурился, внимательно всмотрелся в горизонт и проворчал в ответ:

– Похоже на то. И откуда только берётся этот проклятый песок? Снова колдовство Колехортов, не иначе.

Навина вздохнула и обречённо закатила глаза – у этого несносного старика Колехорты виноваты во всех мыслимых и немыслимых бедах. Если у экипажа вдруг отвалится колесо на очередном ухабе, лорд Генри и в этом непременно увидит коварный умысел акильфийских правителей. И ладно бы только он – работоторговцы тоже отзывались об акильфах нелестно. И у всех этих людей была только одна причина для недовольства и ненависти – Маркус и Вея Колехорт хотят, чтобы в Сальсирии не было рабства. Те, кто на собственной шкуре испытал тяготы жизни раба, в стремлении акильфов видят изменения к лучшему, но для Тсалитана это неприемлемо.

– Это уже столица, да? – спросила Навина, указав рукой на остроконечные шпили, тонущие в жёлтой мгле.

– Нет, это пока ещё только Храм Даар, – недовольно пробурчал лорд Генри и стукнул возникшего тростью по спине. – На развилке сверни к западному порту, Дик. Ветер вроде бы с той стороны. Попробуем объехать этот пыльный кошмар.

– Храм Даар? – брезгливо скривилась Навина. – Тот самый Храм Даар?

– Не «тот самый», юная леди, а единственный в своём роде, – возмущённо посмотрел на неё старик. – В ваших диких краях вы наверняка не слышали об этом божественном месте ничего, кроме нелепых домыслов.

– Я слышала, что Храмы Даар строились для воспитания покорности судьбе в будущих жёнах лордов рода Хараган, – решила девушка поделиться с ним своими знаниями. – Таких Храмов было четыре, а новый наследник рода в каждом поколении рождался всего один, поэтому нужда в большом количестве потенциальных невест отсутствовала. У нас в Иллиафии Храм закрылся первым, а ваш остался последним действующим, потому что его очень ловко переделали в бордель.

Лорд Генри скривился так, будто ему предложили съесть что-то на редкость гадкое.

– Я бы посоветовал не произносить подобных слов в стенах Храма, когда вы там окажетесь.

– А мы разве не в Город Рабов едем? – удивилась Навина.

– А разве это не очевидно? – язвительно отозвался старик. – Если бы вас ждали в Городе Рабов, как тех, с кем вы проделали большую часть пути, стал бы я тратить время на это утомительное путешествие?

«Надо бежать», – решила девушка. О Храме Даар она не слышала ничего лестного. Рабыни, попадавшие за пределы его стен, становились собственностью оракулов, и после этого их уже нельзя было выкупить, а Навина хотела вернуться домой. Удирать по виноградникам глупо – старик вдогонку не пустится, а вот возникший не только в два счёта догонит измученную долгой дорогой беглянку, но ещё и поколотит её в очередной раз. Голова и после первого удара до сих пор побаливает, хотя с тех пор уже почти две недели прошло. Второй такой удар может оказаться смертельным. Порт – лучший выход. В порту должно быть многолюдно, и там легче спрятаться. В крайнем случае можно даже в воду прыгнуть – забиться в какой-нибудь укромный угол и мокнуть там, пока не минует опасность. До темноты, например. А потом осторожно выбраться на берег и найти способ связаться с посланцем Акильфадии – он живёт где-то в столице, но у него есть свой корабль. Акильфадия к западу от Тсалитана находится, поэтому корабль должен быть именно в этом порту. Если, конечно, он не отправился куда-нибудь в плавание.

А если не получится его отыскать, придётся очень трудно – беглых рабов не щадят. В таком случае лучше будет умереть, поскольку становится вечной узницей Храма и наложницей для любого желающего Навина точно не собиралась.

«Не знаю, как сейчас, но говорят, что раньше там целые представления разыгрывали о Хараганах. Самым дорогим удовольствием было задушить роженицу сразу после того, как младенец появится на свет. Или не задушить, а каким-нибудь другим способом прикончить. Тсалитанская знать такие развлечения любит», – вспомнила Навина слова жены фермера, давшего ей работу. В Иллиафии все знали – если девушка попала в Храм Даар, она оттуда уже никогда не вернётся. Быстрая смерть от собственной руки и правда лучше такой судьбы. Следовало задуматься об этом раньше, а не полагать наивно, что родители успеют передать Колехортам просьбу об освобождении дочери. Нельзя надеяться на милость богов, которые давно уже глухи и слепы.

Остаток пути до портового города Навина провела в размышлениях о способах побега. С одной стороны, в городе проще спрятаться, а с другой – там наверняка есть стража, которой владелец рабыни может пожаловаться на беглянку. Но её ещё не клеймили, а человек без рабского клейма рабом по законам любого королевства не считается. Если бы не клочок пергамента, на котором отец поставил свою подпись, можно было бы вообще заявить о похищении, но это ведь Тсалитан, а не Иллиафия – здесь правыми могут быть только свои подданные.

Когда впереди показалась серая полоса городской стены, песчаная буря поравнялась с путешественниками. До этого ветер был горячим, но не слишком сильным, а теперь он начал резкими рывками бросать в лица путников пригоршни песка и пыли. Дышать стало тяжелее, но в столичном городе Тсалар, который находился в нескольких милях к востоку от порта, было, наверное, и того хуже.

– Прикрой лицо, пока песка не наглоталась, – раздражённо приказал лорд Генри, напрочь забыв о манерах.

– По восточному берегу идёт. С юга, – оценил возникший направление ветра. – Нас только краем зацепит, но придётся торчать в таверне несколько часов. Может, сразу ночлег поищем?

– Нет, – отрезал старик, убрав пенсне в нагрудный карман и натянув на нос шейный платок. – Мы и так слишком много времени потеряли из-за клятых северных штормов. Дождёмся, когда будет отчётливо видно башни Храма, и сразу же выдвинемся в путь.

Они торопились. Дурное предчувствие сдавило грудь Навины с новой силой – к чему такая спешка? У оракулов Тсалитана есть провидцы – может, дело в этом? Такое уже случилось раньше. У одного из именитых тсалитанских лордов долго не было детей, и провидцы назвали ему имена дюжины женщин, соитие с которыми позволит заполучить наследника. Ходили слухи, что этот лорд целое состояние отвалил работоторговцам за то, чтобы они доставили к нему всех несчастных до единой. Их по всем королевствам искали. Правда, пока ещё не было подтверждения тому, что провидцы оказались правы. Что, если они и о Навине Тир сделали подобное предсказание? Кто на самом деле её купил?

– А могу я узнать, для кого вы так стараетесь? – не слишком деликатно обратилась она к старому лорду, прикрывая глаза рукой от ветра.

– Не можешь, – отрезал старик и блеснул в её сторону жёстким взглядом. – Кажется, я велел тебе прикрыть лицо.

Девушка осмотрела своё старое платье, прицениваясь, откуда бы оторвать лоскут ткани, чтобы выполнить приказ, но лорд Генри её опередил – вынул из кармана шёлковый синий платок и бросил ей на колени. С каждой минутой ветер становился всё сильнее, поэтому отказываться от столь щедрого подарка было глупо. Пыль уже успела набиться в нос так, что приходилось дышать ртом, а от этого начинался кашель. Горячие песчинки больно секли открытую кожу лица и рук. В Иллиафии зимой тоже бывают бури – снежные. «Отец рассказывал, что когда-то в нашем роду были маги, которые умели умирять ветер. Один из этих магов даже

титул боевого имел», – вспомнила Навина. Может, дело в этом? Может, наследный магический дар далёких предков не канул в небытие, и оракулы знают, как вновь открыть его в потомках? Зачем? Хотят обучить новых боевых магов, чтобы уничтожить Колехортов?

Нет ничего хуже сомнений и неопределённости. Куда приятнее было наивно полагать, что появление на пороге членов Гильдии работоторговцев оказалось случайным. Эти люди по всем островам шастают в поисках живого товара. Король Иллифии мог просто ткнуть пальцем в сторону обнищавшей знати, указав таким образом выгодное для него направление поисков. Это был бы лучший из всех возможных вариантов, поскольку в нём не усматривалось наличие конкретной цели. Увы, теперь о таком благополучном раскладе приходилось только мечтать.

Портовый город, затянутый пыльной мглой, показался Навине огромным и безжизненным. Буря практически всех обитателей этого мрачного места загнала за надёжные стены домов, трактиров и постоялых дворов. Но лорд Генри Луд не стал бы переживать даже большее ненастье в грязном портовом кабаке – это было ниже его достоинства. Возничий, судя по всему, знал привычки своего хозяина очень хорошо – он не остановил лошадей до тех пор, пока экипаж не выкатился на большую площадь, где находились торговые павильоны и приличная гостиница. Лорд Луд даже счёл необходимым оплатить номер, чтобы привести в порядок свой дорожный костюм и позволить Навине хотя бы умыться.

– Сиди здесь, – резко приказал он девушке, впустив её в помещение, обставленное без роскоши, но со вкусом.

Навина и спросить-то его ни о чём не успела – дверь захлопнулась прямо перед её носом, а в замочной скважине снаружи провернулся ключ. Старик запер её. Он стал раздражительным, потому что устал. А ещё из-за бури его костюм сильно испачкался – это, наверное, злило старого лорда больше всего.

Песка и правда было много – он набился в волосы и складки одежды. Навина отряхнула платье на входе в гостиницу, но песок всё равно продолжал сыпаться на пол. Для того, чтобы привести себя в порядок, одного только умывания было мало – нужно вымыться полностью и хорошенько почистить все вещи. Уважая труд горничных, девушка так и осталась стоять у закрытой двери, чтобы не пачкать ковры и добротную мебель. Да, работа гостиничной прислуги оплачивается, но это не означает, что постояльцы могут без зазрения совести превращать номера в свинарники. Богатым господам, возможно, и всё равно, но Навине было жаль тех работяг, которые гнут спины, убирая грязь за такими гостями.

Ей пришлось стоять на месте довольно долго. За окном бушевала жёлто-рыжая мгла, и от этого комната выглядела так, будто бы уже наступил вечер. «Если это только край бури, то что же творится в её середине?» – с ужасом представляла девушка, каково приходится жителям Тсалитана раз за разом переживать такие ненастья. В холодном камине завывал ветер, а из трубы на аккуратно сложенные поленья сверху сыпался песок. Вряд ли в такую жару кому-нибудь придёт в голову разводить огонь, но убирать-то это всё придётся.

Когда к вою ветра присоединился ещё и рёв какого-то животного, Навина вздрогнула. Звук показался ей смутно знакомым, но вспомнить, где могла его слышать, девушка не успела – ключ в замке снова провернулся, и на пороге номера появилась худенькая смуглокожая девочка лет двенадцати. Форма горничной говорила о том, что это служанка.

– Простите, что заставила вас ждать, – виновато опустила девочка взгляд и протянула Навине большой свёрток, обернутый куском простого холста и перевязанный тонкой бечёвкой. – Господин лорд Генри велел передать это вам, а то, что надето на вас, я должна забрать и сжечь. Горячую ванну для вас сейчас приготовят.

С каждым новым словом малышка всё сильнее втягивала голову в плечи, и Навине начало казаться, что к концу короткой речи эта самая голова провалится куда-нибудь в область желудка. Требовать от несчастного ребёнка ответы за поступки и решения лорда Генри было

бы верхом бессмыслицы, но девочка явно ждала взбучку если не за чужие грехи, то хотя бы за то, что заставила гостью томиться в ожидании дольше необходимого.

– Что это за зверь сейчас был? – примирительным тоном поинтересовалась Навина, сделав вид, что не заметила испуга служанки.

– Дракон, – пролепетала девочка и неуверенно добавила: – Наверное. У нас здесь драконы не водятся, но иногда их ловят в горах у перевала.

– Ловят? – удивлённо приподняла Навина бровь. – Зачем?

– Не знаю, – призналась девочка. – Извините, но если вам сейчас не нужна моя помощь, то я должна идти.

– Ты опять запрёшь меня здесь, или господин лорд Генри не давал такого распоряжения?

– Давал, – виновато выдохнула служанка и снова втянула голову в плечи.

«Значит, старик всё-таки опасается, что я сбегу», – подумала Навина, тяжело вздохнула и сочувственно посмотрела на девочку, смиренно ожидающую гнева гостыи.

– Хорошо, ступай, – отпустила её Навина, но очень вовремя сообразила, что девчонка может знать ответ на один очень важный вопрос. – Нет, постой. Скажи, ты случайно не знаешь, корабль посла Акильфадии сейчас в порту этого города находится?

Голова служанки немедленно выскочила из плеч на своё законное место, а взгляд просиял неподдельным восхищением.

– «Королева морей»? Да, она сейчас в порту. Но если вам нужен господин лорд Уартхол, то он ещё утром отбыл в Тсалар. Его здесь нет. Но есть капитан «Королевы» лорд Гроу. Он не любит гостиницы и предпочитает жить в капитанской каюте. Он и сейчас, наверное, на судне. «Королева» должна была отправиться в Акильфадия сегодня, но почему-то задержалась. Если хотите...

– Нет, стой, – остановила Навина её пламенную речь. – Если тебе велено запирать меня в этом номере, то ради твоей же безопасности никакую помощь предлагать не надо. Мне достаточно и того, что ты сказала. Спасибо. Не хочу, чтобы из-за меня тебя наказывали.

Девочка в ответ на эти слова неосознанно повела правым плечом – видимо, последнее наказание пришлось именно по этому месту. С улицы снова донёсся жуткий рёв, но в этот раз в нём явственно слышались нотки боли. Служанка бросила испуганный взгляд в сторону окна, а Навина внимательно прислушалась.

– Это не дракон, – уверенно заявила она, оттолкнула горничную в сторону и выбежала в коридор.

Лорд Генри позаботился об охране за дверью номера – он оставил там покрытого пылью и песком возничего.

– Госпожа! – рванулся мужчина вслед за Навиной, когда она промчалась мимо него.

Попытался схватить за руку, но ничего не вышло – девушка мчалась по коридору и лестнице с такой скоростью, будто убегала от огня. Догнать беглянку возничему удалось только в узком переулке, откуда доносились жуткие звуки и крики людей, но она ухитрилась вырваться. Для Навины словно перестали существовать и обжигающий ветер, и тучи горячей пыли – она глубоко дышала полной грудью, а её серые глаза пылали яростью.

– Я не убегаю, болван! – бросила Навина в лицо своему преследователю и побежала дальше.

Зверя загнали в тупик между двумя домами. Это был не дракон, а огромный пёс – размером с взрослую лошадь, широколобый, косматый, чёрный. «Это и правда фьораг!» – удивилась Навина, обратив внимание на ярко-алые угольки глаз хищника. Но фьорагам нечего делать в этой части Сальсирии. Считалось, что эти удивительные животные уже давно вымерли. Остался лишь один представитель редкого вида – очень старый хищник, живущий на северо-западной оконечности нынешних земель Иллиафии. Афун – так называли его местные жители

за забавную привычку фыркать. До потопа эти звери жили только в Латерноне. Больше их не было нигде. Но конкретно этот зверь точно не мог быть Афуном – он явно молод и силен.

– Стойте! – выкрикнула Навина и повисла на руке у стражника, намеревавшегося метнуть в разъярённого хищника ещё одно копье. – Вы же его убьёте!

– Уйди, дура! – отпихнул её в сторону воин, облачённый в лёгкий доспех.

– Нет! Перестаньте!

Остановить мужчин, опьянённых азартом охоты на редкое чудовище, было практически невозможно. Навина больше и не пыталась это сделать – она просто выбежала вперёд и раскинула руки в стороны, закрыв фьорага собой. Слышала его утробное рычание над своей головой. Чувствовала, как на волосы и платье сверху капает зловонная слюна, смешанная с чьей-то кровью. «Фьораги не едят падаль. Его держали в неволе, и он сбежал», – мелькнула догадка в голове девушки.

– Госпожа! – в отчаянии выкрикнул возникший, всё ещё не оставивший попыток её догнать.

– Не смейте трогать этого зверя! – отчеканила Навина так грозно и холодно, что стражники от неожиданности попятнулись.

– Ненормальная, – покачал головой один из них. – Он же тебя сейчас сожрёт.

Глава 2

В полупрозрачном пеньюаре цвета спелого вина Селин выглядела обворожительно, но Дэнзет был слишком сильно погружён в размышления о предстоящем путешествии, чтобы обращать внимание на её призывные взгляды и томные вздохи. В любое другое время эта женщина, лежащая на шёлковых подушках под роскошным балдахином, вызвала бы у него острое, почти болезненное желание. Когда угодно, но не теперь.

– Я уезжаю, – сообщил он, скользнув взглядом по её роскошному телу, едва прикрытому тонкой тканью.

– Сейчас? – промурлыкала Ланселина, перевернувшись на живот и адресовав ему улыбку, означавшую, что четверть часа в её объятиях нисколько не повлияют на его планы.

– Сразу же, как только ветер снесёт бурю дальше к северу от тракта, – уточнил Дэнзет и присел рядом с ней на постель. – Я и так уже сильно задержался. Гроу ждал меня ещё на рассвете.

– Я бы предпочла, чтобы ты и вовсе никуда не уезжал, – ответила на это Селин. – После каждого такого путешествия ты кричишь по ночам, как раненый зверь. Это страшно, между прочим. И на пользу тебе точно не идёт.

– У меня нет выбора, – сухо отрезал Уартхол. – Нужно доставить в Акильфадия очень ценный груз.

– Настолько ценный, что ты готов на целую неделю запереть себя в тесной каюте? – изумлённо вскинула брови Ланселина. – Интересно, что же это за груз такой? Можешь не рассказывать, я в твои дела не лезу. Просто любопытно. Ты же не выносишь закрытые пространства, даже в карете никогда не едешь, только верхом, а тут добровольно отправляешься в путешествие на корабле. Нет, я понимаю, что постоянно сидеть в каюте тебя никто не заставит, ну а если шторм начнётся?

Это-то его и беспокоило. Последний год Дэнзет провёл в Тсалитане – в должности посла Акильфадии при дворе местного правителя. Это был, пожалуй, самый спокойный год в его жизни. Обязанностей Вея и Маркус Колехорты на своего друга возложили не так уж и много – ему полагалось представлять интересы своего королевства, наблюдать за изменениями в отношении Тсалитана к союзникам и торговым партнёрам, а также время от времени выкупать рабов у Гильдии работорговцев или текущих владельцев. Преимущественно этими рабами были члены каких-нибудь знатных семей, и за них ратовали богатые родственники, поэтому с финансовой точки зрения подобные вопросы решались быстро и без проблем. Сложнее было отыскивать попавших в рабство простолюдинов – особой ценности они не представляли, с ними не церемонились, а пути перепродажи порой уводили Дэнзета из Тсалитана на другие острова. Но он не занимался этим сам. Для такой работы у него имелись доверенные люди, которые за приличное жалование колесили по всей Сальсирии, выполняя сложные и опасные поручения нанимателя. Они выкупали рабов и переправляли их в Акильфадия без участия в этом господина Уартхола, но в этот раз доверить ценный груз Дэнзет не мог никому. Селин права – недельное путешествие в маленькой каюте на торговом судне могло вновь разбудить демонов в его душе. В последние месяцы приступы ярости случались крайне редко, потому что Дэнзет старательно избегал темноты и ограниченного пространства, но на корабле это действительно очень сложно, особенно если начнётся шторм.

– Прости, но и об этих моих делах тебе тоже знать не нужно, – ответил он Ланселине. – Если хочешь, можешь оставаться здесь гостьей до моего возвращения.

Селин обиженно надула губы и проворчала:

– Тайны, тайны... Когда-нибудь они поглотят твой разум целиком, и ты перестанешь понимать, что нужно держать в секрете, а что можно рассказать. Любовь моя, так нельзя. Дол-

жен же быть в этом жестоком мире хотя бы один человек, перед которым ты можешь раскрыть душу, не опасаясь предательства.

– Он есть, – подтвердил Дэнзет. – Их даже четверо.

– Если ты о своих акильфийских друзьях сейчас говоришь, то я не об этом, – лениво отмахнулась от него Селин. – О другой духовной близости речь. О гораздо большей степени доверия, чем может быть между друзьями.

– Любовь... – криво усмехнулся Уартхол. – Ну конечно. Как же я сразу-то не догадался?

– Любовь... – вздохнула Ланселина.

Она снова перевернулась на спину и раскинула руки в сторону. Уставилась в полог балдахина мечтательным взглядом. Ещё раз громко вздохнула и при этом будто бы нечаянно сдвинула ткань на своей груди, пытаясь завлечь Дэнзета в чувственную игру. Хорошая актриса. Красивая и умная. Насквозь лживая, но ничего другого от жрицы Храма Даар ждать и нельзя было. Наблюдая за тем, как её глаза затуманиваются фальшивой поволокой страсти, Дэнзет с трудом удержался от очередной улыбки.

– Мне пора собираться, извини, – бросил он наложнице со всей небрежностью, на какую только был способен, и покинул спальню.

Прикрыл за собой высокую дверь, украшенную резьбой и позолотой. Дождался тяжёлого удара в эту самую дверь и жалобного звона разбившейся вазы из горного хрусталя и только после этого всё-таки позволил себе улыбнуться.

* * *

Два года назад Дэнзет Уартхол ещё не был послом. Он был просто другом и боевым соратником Маркуса Колехорта. Они служили вместе в одном гарнизоне, отражавшем нападения кьорвигов на южное побережье острова Сеар. Оба давали клятву верности канувшему в небытие королевству Сеарката. Сражались бок о бок, делили радости побед и горечь поражений. После того, как Дэнзет попал в плен к кьорвигам и за три года, проведённые там, озверел до неконтролируемого состояния, только Маркус нашёл в себе смелость вступить за него перед военачальниками. А после списания со службы именно Колехорт вытащил его буквально из помойки, не позволив спиться и пасть духом окончательно.

Судьбе было угодно, чтобы испытания не разрушили эту дружбу, а лишь укрепили её, но у каждого из друзей был свой путь. Маркус – наследник драконьей крови. Его жена Вея... Она просто потрясающая женщина. Эти двое были рождены друг для друга. Вея нравилась и Дэнзету тоже, но он не мог дать ей ничего, кроме боли и страха. Он мог бы побороться за её любовь, но знал, что должен отступить. И отступил. Не бросил друзей, а просто пошёл своей дорогой, но при этом готов был в любой момент вернуться по первому же зову того, кого считал другом.

«Отправлюсь в Тсалитан предаваться пьянству и разврату. Зови, если буду нужен», – он так и сказал Маркусу. Кьорвиги тогда ещё не прекратили своё существование, но пробуждение воплощённой в золотого дракона богини Краонгры заставило их на время притихнуть. Можно было не опасаться нападения представителей этого варварского племени на торговые суда. Между островами Сеар и Сальсирия существует только морской путь, поэтому Дэнзет и стал пассажиром корабля, отправляющегося в порт Тсалитана. Это была «Королева морей». Теперь она принадлежит Дэнзету, но тогда ему пришлось отвалить капитану Гроу приличную долю средств, полученных от продажи собственности в Сеаркате – Уартхол в приступе неконтролируемой ярости убил двух членов команды и прилично напугал остальных. Гроу смог успокоить его только одним способом – он вышвырнул разбушевавшегося пассажира за борт и вытащил обратно на палубу только после того, как Дэнзет пришёл в себя.

В кровожадное чудовище Уартхола превращало предсмертное проклятие тсалитанского оракула, убитого им в плену у кьорвигов. Снять такое проклятие могли только сами оракулы,

поэтому Дэнзет и отправился в Тсалитан. Он хотел вернуть себя, хотя надежды на успех было мало. Оракулы уже отказывали ему раньше. Они говорили, что предсмертное проклятие не могут отменить даже Великие Боги. Повторные попытки получить от них помощь тоже не увенчались успехом, поэтому Дэнзет начал в очередной раз скатываться в пропасть безысходности. Вино, женщины, драки, поединки без правил, карточные игры – он просто прожигал свою жизнь, потому что считал её пустой и бессмысленной.

Спустя несколько месяцев грязного, избитого, в стельку пьяного и полуживого Уартхола вытащил из сточной канавы старик Хьюдрик – бывший гарнизонный командир, приходившийся им с Маркусом общим другом. Хью сказал, что Колехорт мёртв, и Вея, возможно, тоже, и стало ещё хуже. А потом с острова Сеар прилетела птица-вестник и принесла сообщение от Маркуса с просьбой попытаться выкрасть у тсалитанских оракулов одну очень ценную реликвию, которая нужна, чтобы снять проклятие кьорвигов. Вея считала, что личное проклятие Дэнзета имеет прямую связь с кьорвигами, и если получится избавиться от главной беды, то исчезнут и остальные.

К этому времени Дэнзету уже не было дела до того, получится у Веи задуманное или нет – он был рад, что друзья живы, и его приводила в восторг сама мысль о том, что можно как-то насолить оракулам. Это они несколько тысячелетий назад превратили нормальных людей одной из провинций Сазалинии в безжалостных дикарей, не способных жить мирно – чтобы наказать правителей всех королевств за мысли об отмене рабства. Они создали проклятие кьорвигов. Добрые дела чаще всего остаются незамеченными, поэтому Дэнзету и не доводилось слышать об оракулах ничего хорошего, зато плохого говорилось много. Их все ненавидели – даже те, кто улыбался в лицо и пресмыкался перед надменными пророками в надежде заполучить благословение и лучшую судьбу. Но страх перед возможностью заслужить гнев оракула и проклятие всегда был сильнее ненависти, поэтому проклинатели чувствовали себя защищёнными и неприкосновенными. Они были почётными гражданами Тсалитана, называли себя Гильдией, входили в королевский Совет и всегда держали двери в свои владения открытыми, чтобы продемонстрировать близость к народу. Никому и в голову не пришло бы даже прикоснуться к чему-то в доме оракула, на что Дэнзет и рассчитывал.

Он снова пришёл за благословением, хотя знал, какой ответ услышит. Снова честно рассказал о том, что несколько лет назад кьорвиги заставили его убить пленённого оракула, за что воин Сеаркаты и был проклят. Просил снять проклятие, как до этого делал уже множество раз, и, как всегда, получил отказ. В другом доме ему тоже вполне предсказуемо отказали. В третьем, пятом, восьмом... Ни в одном из этих домов он не увидел того, что искал, хотя самонадеянные оракулы не имели привычки прятать ценности от посторонних глаз – они кичились своим богатством. Побывав во всех частных владениях, Дэнзет вознамерился посетить здание Гильдии, в котором также был размещён музей утративших свою силу древних артефактов. О предмете, который нужно украсть, ему было известно немного – это кинжал с особым символом на рукояти. В музее такой символ обнаружился только на окаменевшем драконьем яйце, а хранитель древностей не смог объяснить значение рисунка. «Это единственное начертание, и упоминаний об этом символе нигде нет. Никто не знает, что он означает», – услышал тогда Уартхол и понял, что искать кинжал бесполезно. Оставалось только выбрать подходящий момент, чтобы совершить кражу, но с выбором Дэнзет ошибся.

Он хотел остаться незамеченным. Пришёл ночью, взял то, что никто не охранял, но на выходе из здания гильдии столкнулся с целой сворой свирепых пустынных псов, готовых порвать на куски любого, на кого укажет хозяин. Начал уже было обдумывать пути отступления, поскольку не был готов к встрече с таким противником, и тут появилась она – дивное создание в странном одеянии, открывавшем взгляду гораздо больше, чем полагалось скрыть. У Дэнзета тогда мысли настолько спутались, что он и теперь с трудом мог вспомнить, как оказался за оградой гильдии целым и невредимым. Шкатулка с реликвией была на месте – в пере-

брошенной через плечо сумке, поэтому он поспешил исчезнуть с места преступления, дав себе слово позже узнать имя спасительницы.

Уартхол и Хьюдрик покидали Тсалитан тайком, под покровом ночи, на корабле контрабандистов-работорговцев, запросивших за это путешествие такую сумму золотом, что борода Хью поседела вдвое сильнее прежнего. Нужно было доставить реликвию Маркусу, но Дэнзет не собирался долго гостить у Колехортов – он верил в своих друзей и был рад тому, что судьба наконец-то начала проявлять к ним благосклонность. Воспоминания о ночной незнакомке влекли его обратно в Тсалар.

У каждого своё предназначение, свой путь, и дружеские привязанности начали казаться Дэнзету менее значимыми, чем собственные интересы. Снятие проклятия кьорвигов, отказ Бричрана от трона Сеара, коронация Колехортов, первые политические шаги нового короля – он пробыл рядом с друзьями в Акильфадии столько, сколько было необходимо, оставил с ними Хьюдрика, а сам вернулся в Тсалитан разочарованным, поскольку Вея ошиблась. Ей удалось избавить мир от зла в виде кьорвигов, но после этого демоны не ушли из души Дэнзета Уартхола. Его персональное проклятие осталось.

В Тсалар он прибыл открыто – верхом на драконе и в статусе акильфийского посла. Да, у него появились обязанности, и нужно было привыкать к жизни при дворе правителя Тсалитана, но и возможностей тоже стало больше. Всё свободное время Уартхол уделял поискам прекрасной незнакомки, и этот путь привёл его в Храм Даар.

Об этом Храме по Сальсирии гуляли разные слухи, но правды в них было не слишком много. Три башни – три опоры королевства. В одной из этих башен располагался личный гарем правителя, гордо именуемый Жемчужиной Тсалара. Именно там появлялись на свет будущие наследники, но при этом даже сам правитель не знал доподлинно, сколько их, и кому суждено следующим сесть на трон. Вторую башню, самую высокую из трёх, венчал обвитый открытой галереей Перст Истины. В этой башне жили провидцы и элита Гильдии оракулов. Ну а третья башня, которая стояла к высоким воротам ближе двух других, являлась тем самым борделем, о котором ходило столько слухов. Но это был не совсем бордель. В этом заведении через жриц, обученных искусству любви, оракулы за определённую плату раздавали «благословения» мужской половине тсалитанской знати. Туда не так-то просто было попасть. За высокие главные ворота Храма пускали далеко не каждого, а дальше первой башни гостям хода и вовсе не было. Возможно, в далёком прошлом всё было по-другому, но нынешний Храм Даар точно не соответствовал представлениям о нём, в чём Дэнзет убедился на собственном опыте.

Он нашёл свою незнакомку среди жриц, как и предполагал. Тогда у Ланселины уже был постоянный покровитель из местной знати, но оракулы с радостью передали почётное покровительство чужеземцу – это первое, на что Уартхол обратил внимание. Он – посол Акильфадии. Друг неофициального врага Тсалитана. С политической и экономической точки зрения между этими королевствами существовали мирные и взаимовыгодные отношения, но на самом деле оракулы были в ярости из-за того, что Вея Колехорт избавила Сальсирию от проклятия кьорвигов. Они улыбались новоявленному послу в лицо, а в спину ему бросали ненавидящие взгляды. Странно было бы полагать, что щедрый подарок в виде разрешения на покровительство над жрицей Храма Даар был сделан от чистой души и с добрыми помыслами. Уж чего-чего, а наивности Дэнзет Уартхол лишился очень давно.

Дальше – больше. После многочисленных отказов оракулы вдруг изменили своё мнение об отсутствии возможности избавить Дэнзета от его личного проклятия. Сам Верховный Оракул заявил, что посмертное проклятие снять невероятно сложно, но можно. Другие благословения Уартхола не интересовали, а над созданием нужного провидцы и оракулы трудились целый месяц, после чего Ланселина получила разрешение «благословлять» своего покровителя не только в стенах Храма, но и в его личных покоях в посольском дворце. Особых улучшений после года таких «благословений» Дэнзет не заметил, но эта нелепая игра его забавляла. К

нему под покровом лживого обещания просто приставили красивую и опытную шпионку в надежде, что её ласки и страсть развяжут акильфийскому послу язык.

Будь Уартхол наивным простачком, Селин давно бы уже получила от него всё, зачем приезжала каждый вечер в посольский дворец. Увы, оракулы недооценили его характер и ум. Весь прошлый год Дэнзет наслаждался близостью с идеальной партнёршей, на что и рассчитывал, а она уходила от него к своим хозяевам с пустыми руками. Эта девица несколько раз даже ухитрялась перехватить послания из Акильфадии, которые Колехорты присылали с птицами-вестниками, но эти письма были зашифрованы таким образом, что прочесть скрытый в пустых фразах смысл мог только настоящий адресат – маленькая хитрость бывших боевых товарищей.

Жрицы Храма Даар – рабыни с особым клеймом. Они принадлежат только оракулам. Даже правитель королевства Тсалитан не имеет права касаться таких женщин без дозволения на то хозяев. С одной стороны, Дэнзету было немного жаль, что красавица и умница Селин попала в такую зависимость, но с другой – она не проявляла недовольства своей судьбой. Ей нравилась такая жизнь. Нравились и разврат, и опасность. А Уартхолу нравилось её тело, только и всего.

Он не мог рассказать ей о том, что должен переправить в Акильфадия выкупленную рабыню, в судьбе которой заинтересованы все Колехорты – оракулам ни к чему это знать. А о второй половине ценного груза рассказывать просто не захотел, потому что из-за этой «половины» пришлось задержаться в Тсаларе на целый день. Если бы не необходимость известить правителя Тсалитана об отбытии из королевства, Дэнзет уже давно был бы на борту «Королевы морей» далеко от ненавистных берегов. А у владыки новость об отъезде посла вдруг вызвала острое желание передать королю и королеве Акильфадии какой-нибудь подарок. И пока он решал, что подарить акильфам, началась треклятая пыльно-песчаная буря, задержавшая Дэнзета в посольском дворце почти до вечера. Посыльный уже принёс из покоев своего повелителя весть о том, что «подарок» находится в портовом городе, и нужно только погрузить его на корабль. К устному сообщению прилагался документ, разрешающий покинуть порт Тсалитана – ради этого куска пергамента Дэнзет и проторчал в своих комнатах весь день, слушая томные вздохи и ворчание Селин.

В этот день её гибкое тело не вызывало у него и тени желания, поскольку разум Уартхола был занят мыслями о юной акильфийской провидице Мире, доставленной ночью в портовый город и переданной капитану Гроу в ужасном состоянии. Девочку избили, причём сильно. Гроу наверняка позаботится о ней, но жизнь среди кьорвигов и рабство превратили малышку Миру в такое же чудовище, каким являлся Дэнзет. Но он был проклят, а она стала безжалостной убийцей только из желания жить. Ей всего пятнадцать, и она люто ненавидит мужчин. Если Мира очнётся раньше, чем Дэнзет Уартхол окажется рядом с ней, на борту «Королевы морей» произойдёт непоправимое.

Глава 3

О том, чтобы передвигаться по тракту в экипаже, даже думать не имело смысла – буря намела на вымощенной белым камнем дороге настоящие барханы. В этот раз песка оказалось намного больше, чем пару месяцев назад, хотя тогда стихия бушевала дольше. Дэнзет считал себя лишь временным гостем Тсалитана, но он, как и местные жители, уже неоднократно задумывался о том, откуда берётся этот песок. Ветер всегда приносит его с юга, но там нет пустыни. В двух днях верхового пути от столицы на самом южном мысе острова Сальсирия ютятся маленький портовый городок и несколько рыбацких деревень. От них до самого Тсалара земля растрескалась от постоянной жары и засухи, но она не безжизненная. Большая её часть покрыта скудной растительностью, а кое-где вокруг круглых естественных озёр даже имеются сады. Эта часть Тсалитана не страдает от песчаных бурь, но они, тем не менее, приходят именно отсюда. Как такое возможно?

Ему уже не раз доводилось слышать, что бури – дело рук ведьмы Вей Колехорт. Это были лишь слухи, иначе правитель Тсалитана попросил бы акильфийского посла обсудить проблему с её виновницей. Но король не попросил об этом Дэнзета ни после предыдущей бури, ни теперь. Он делал вид, что не доверяет слухам, но в то же время не пытался их как-либо пресечь. Создавалось впечатление, что ненастья происходят с его негласного разрешения. Они вредят городам и трактам, но обходят стороной виноградники, которые приносят доход казне. Бури наносят ущерб в основном уличным торговцам и открытым рынкам. А после того, как стихия успокаивается, на очистку улиц и дорог от песка отправляется целая армия рабов. Эти несчастные люди трудятся и днём под палящими лучами южного солнца, и ночью при свете факелов. Выбываются из сил, многие гибнут, а их тела грузятся на телеги вместе с песком и вывозятся к морю, где становятся добычей хищных птиц и пустынных падальщиков. Владельцы этих рабов такой утратой, естественно, недовольны, поскольку их собственность стоит денег. Недовольство растёт, слухи о кознях Колехортов расползаются, а правитель Тсалитана только огорчённо вздыхает – весьма подозрительное поведение.

«Если песок сбрасывают в море, то откуда он берётся снова?» – думал Дэнзет, объезжая большой бархан, почти полностью перекрывший тракт у самых ворот западного портового города. Уже начало смеркаться, ветер стих, но пыль продолжала витать в воздухе удушливым облаком, отчего конь Дэнзета постоянно фыркал и тряс головой. На всей протяжённости тракта, закрыв лица широкими повязками, трудились рабы. Их выгнали на работы недавно, но эти бедолаги не сидели днём без дела – к вечеру они уже буквально валились с ног и перетаскивали тяжёлые мешки с песком слишком медленно. Надсмотрщики, руководящие процессом расчистки, то и дело щёлкали кнутами, подгоняя нерасторопных трудяг.

«Звери», – подумал Дэнзет в адрес всех рабовладельцев разом и молча продолжил путь, поскольку не имел права вмешиваться в дела чужого королевства. Миновав распахнутые городские ворота, он сразу же направился к порту – хотел поскорее оказаться на борту «Королевы морей» и узнать, как себя чувствует Мира. Освещённые масляными фонарями улицы в этот вечерний час обычно бывали немногочисленными, но теперь и здесь вовсю трудились рабы, выметая вездесущий песок из всех углов и собирая его в большие мешки.

– Господин посол! Господин Уартхол, стойте! – услышал Дэнзет сразу же, как только свернул с одной из широких центральных улиц в узкий проулок.

Судя по голосу, кричал лорд Генри Луд – один из немногих представителей тсалитанской знати, кому было разрешено не падать ниц перед правителем королевства в силу почтенного возраста и многочисленных заслуг. Дэнзет тяжело вздохнул и развернул коня – нельзя обижать старика непочтительностью, поскольку по отношению к подобным особам это в Тсалитане считалось серьёзным преступлением. Лорд Генри так торопился догнать акильфийского посла, что с трудом переводил дух.

– Господин... Уф... – шумно выдохнул он, прижимая руку к груди. – Минутку... Я... Уф-ф...

– Вам плохо? – заботливо осведомился Дэнзет и спешил на случай, если старику действительно необходима помощь.

– Я... Уф-ф... Нет, всё хорошо, только... Уф-ф... – пыхтел старый лорд, пытаясь отдышаться.

Причина, по которой господин Луд счёл необходимым лично гоняться за Уартхолом по вечернему городу, а не отправить кого-нибудь пошустрее и покрепче, наверняка была очень важной. Дэнзет хорошо знал этого старика, поскольку часто спорил с ним по поводу выкупа рабов. Лорд Генри занимал высокий пост в Гильдии работоторговцев, поэтому был одним из первых, кого не устраивала политика Колехортов относительно рабства. Но, будучи послом, Дэнзет не совершал ничего противозаконного. Все его сделки были чистыми, документально

подтверждёнными, а хозяева выкупленных им людей всегда оставались довольны, потому что получали как минимум вдвое больше потраченного.

– Эта пыль меня когда-нибудь добьёт, – наконец-то смог выговорить старик фразу целиком. Промокнул взмокший лоб носовым платком, водрузил на переносицу пенсне, прижал его бровью так, будто это был монокль, и наконец-то перешёл к сути дела: – Господин Уартхол, у нас с вами, как это ни прискорбно, внезапно появилась общая проблема.

– И какая же? – осторожно поинтересовался Дэнзет.

– Собака! – возмущённо выплюнул старик.

– Это вы мне? – уточнил Уартхол.

– Нет, это я о той собаке, которую вы должны доставить в Акильфадию, – пояснил лорд Луд.

– Ничего не понимаю, – признался Дэнзет. – Какая собака?

– Огромная, свирепая, чёрная, – охарактеризовал старик объект своих волнений. – И глаза у неё красные. Стражники сказали, что это подарок нашего правителя вашим, и величайшая честь доставить его поручена именно вам.

– А, вот оно что, – наконец-то сообразил посол. – Простите, что сразу не понял, о чём речь. Я не знал, что это собака. Посыльный просто сообщил, что подарок уже здесь.

– Ну теперь знаете, – раздражённо сообщил лорд Генри. – Так вот... Дело в том, что эта собака не хочет отдавать мне собственность оракулов.

– Чего? – снова непонимающе уставился на него Дэнзет. – Какую собственность? Выразитесь конкретнее, пожалуйста. Я тороплюсь.

Следующие несколько минут он внимательно слушал эмоциональный рассказ старика о том, как подарок повелителя по дороге в порт неожиданно взбесился, разломал клетку, загрыз двух стражников и напал на третьего. Зверя пытались остановить единственным возможным способом – ранить так, чтобы он очень сильно ослаб, но не издох. Увы, в этот процесс вмешалась рабыня Храма Даар, которую лорд Генри сопровождал к владельцам, и теперь треклятая псина бросается на каждого, кто кто пытается приблизиться к ней и её спасительнице.

– Это продолжается уже несколько часов, господин Уартхол! Это просто невыносимо! – возмущался лорд Луд, размахивая тростью у собеседника перед носом. – Мы катастрофически опаздываем! Нас ждут! Я требую, чтобы вы немедленно вернули мне рабыню, а с собакой можете поступать на своё усмотрение! Да хоть убейте её, мне всё равно!

– И тем самым навлечь на себя гнев вашего правителя? – усмехнулся Дэнзет. – Ну уж нет, увольте. Показывайте дорогу. Посмотрим, что там за чудовище такое, с которым городская стража справиться не может.

Собака... Звериные бои – одно из самых любимых развлечений тсалитанской знати. К востоку от столицы и северу от Города Рабов для таких зрелищ возведена большая Арена, где раз в десять дней собираются практически все именитые жители Тсалитана, чтобы посмотреть, как люди и звери убивают друг друга. Дэнзет бывал на нескольких подобных представлениях, но лишь по приглашению правителя королевства. Он не считал это развлечением, поскольку прекрасно помнил собственные бои в плену у кьорвигов. Принцип «убей или умри» был одинаковым что в племени кровожадных варваров, что в цивилизованном тсалитанском обществе. Это мерзко.

Бойцов для Арены тренировали их владельцы. Это были уже не люди, а злобные хищники, подобные диким животным, которые содержались для таких же боёв в специальных питомниках. Звери не являлись собственностью королевства, у них тоже имелись хозяева, но держать свирепого льва или волка при себе решался не каждый – это ведь опасно. Имелся даже специальный питомник для молодых драконов, которым обрезали крылья, чтобы чудовища не улетели, но с тех пор, как Вея Колехорт стала повелительницей не только Акильфадии, но и всех крылатых чудовищ, этот питомник пустовал.

Дэнзет видел собак на Арене, поэтому думал, что правитель Тсалитана решил подарить акильфам именно бойцового зверя в качестве шутки, насмешки или намёка на что-то. Станный подарок. Но ещё более странно стало тогда, когда Уартхолу предоставилась возможность лицезреть «подарочек» воочию.

– Это собака? – недоверчиво нахмурился он, пытаясь издали разглядеть зверя, рычащего на стражников из тёмного тупика между домами.

Самого пса не было видно – только глаза. Два больших ярко-алых огонька, полыхающих лютой ненавистью. Дэнзет навскидку представил, какого размера должна быть морда животного при таком расстоянии между глазами, и ужаснулся.

– Собака, – подтвердил лорд Генри. – Большая, вонючая и отвратительная.

– Очень большая, насколько я могу судить, – пробормотал Уартхол в ответ. – А вы уверены, что она ещё не поужинала вашей рабыней?

Ответить старик не успел, поскольку вниманием Дэнзета всецело завладел один из стражников, сопровождавших «подарок» в порт и допустивших побег животного. Воин представился по всем правилам, принёс извинения за случившееся и вкратце обрисовал ситуацию. Он полагал, что зверь пришёл в ярость из-за попавшего в глаза песка. Поначалу пёс спал, потому что ему дали зелье, но потом проснулся и разбушевался. Никто не хотел причинять ему вреда, но пришлось, поскольку могли пострадать жители города. А с тех пор, как прибежала девушка, зверь только рычит, но напасть уже ни на кого не пытается.

– Навина! – крикнул лорд Генри в темноту тупика. – Ты там жива?

В глубине тёмного тупика послышался шорох, следом за которым сразу же прозвучал грозный рык животного.

– Она подаёт признаки жизни, но молчит, – пожаловался лорд Луд. – Уартхол, сделайте что-нибудь, иначе у вас будут серьёзные проблемы. Эта рабыня...

– Уартхол? – донёсся из темноты слабый женский голос, и в свет факелов выступила тонкая фигура, облачённая в грязные лохмотья. – Вы лорд Уартхол? Посол Акильфадии?

Витающая в воздухе пыль мешала Дэнзету как следует разглядеть девушку, но даже издали в свете факелов было заметно, что она еле держится на ногах.

– Да, я Дэнзет Уартхол. Акильфийский посол, – подтвердил Дэнзет. – Ты можешь отойти от зверя?

– Я не хочу от него отходить, – спокойно прозвучало в ответ.

Дэнзет вопросительно посмотрел на лорда Генри, а тот пожал плечами и покрутил рукой у виска, показывая, что у девицы не всё в порядке с головой.

– Почему не хочешь? – спросил Уартхол, не слишком доверяя объяснению члена Гильдии работорговцев.

– Мы защищаем друг друга, – ответила девушка. – Её хотели убить, а меня хотят отвезти в Храм Даар. Моё имя Навина Тир, я подданная королевства Иллиафия. Я слышала, как кто-то сказал, что вы придёте за собакой, и ждала вас, чтобы попросить выкупить меня.

– Рабы Храма выкуп не подлежат! – вставил своё слово лорд Луд.

– На моём теле нет клейма рабыни, – возразила Навина. – И в купчей покупателем значитесь вы, а не Храм. Я, может, и происхожу из обедневшего рода, но читать меня научили.

– Какая возмутительная дерзость! – выплюнул гневную фразу старик.

– Вы считаете дерзостью умение читать? – не удержался от усмешки Дэнзет. – Господин Луд, мне не хуже вашего известно, что купчая без клейма недействительна, и поэтому Гильдия клеймит свои приобретения прямо на месте покупки. Если у этой девушки нет клейма, то она не принадлежит ни вам, ни Храму.

– Это не ваше дело! Забирайте собаку и проваливайте!

От злости старик начал подпрыгивать, и пенсне свалилось с его носа на покрытую песком и пылью брусчатку.

– С превеликой радостью! – отвесил Дэнзет ему насмешливый поклон и снова обратил своё внимание на девушку. – Навина, а почему это красноглазое чудовище тебя ещё не съело?

– Потому что она не чудовище, в отличие от некоторых, – прозвучало в ответ с презрением, адресованным лорду Генри. – Если я не рабыня, как вы говорите, то могу ли я попросить вас взять меня с собой? Я слышала, что вы намерены отплыть в Акильфадия.

– Это невозможно! – вмешался в их диалог лорд Луд, снова нацепив на свой тонкий нос позолоченную оправу с круглыми линзами. – Уартхол, вы плохо знаете наши законы! Если вы посмеете забрать эту девчонку, это будет считаться преступлением против Гильдии оракулов и Тсалитана! У меня есть специальное поручение, которое вместе с купчей даёт мне право...

– Покажите, – перебил его Дэнзет.

– Что показать? – не понял старик.

– Специальное поручение, – пояснил Уартхол.

– Оно устное!

– Ну вот когда предоставите письменное, тогда и будете заявлять о своих правах, а пока у вас их нет, – невозмутимо ответил ему Дэнзет.

Он был полностью уверен в своей правоте, потому что занялся выкупом рабов только после того, как досконально изучил законы этого королевства и даже те, которые регулировали продажу рабов на другие острова и земли. Гильдия работоторговцев в обязательном порядке клеймила живой товар дважды – при покупке и последующей передаче раба законному владельцу. Первое клеймо давало членам Гильдии право перевозить рабов по всему миру даже без документов. Неважно, кто финансирует сделку, и когда происходит перепродажа – человек без клейма рабом не считается. А второе клеймо ставилось одновременно с третьим – как подписи двух сторон сделки. Без второго клейма Гильдии можно было хоть с головы до пят украсить кожу раба фигурными ожогами, но при этом он всё равно оставался собственностью своих первых владельцев. Этот порядок был установлен не Гильдией, а отдельным законом Тсалитана, и ни о каких «специальных поручениях» там не было сказано ни слова.

– Вы совершаете большую ошибку, Уартхол! – яростно выплюнул лорд Генри Луд, когда Дэнзет спросил у Навины, последует ли собака за ней на корабль. – Не вам решать, когда Гильдия должна клеймить товар!

– Не мне, – согласился Дэнзет. – Но ошибку в данном случае совершили вы, а не я. Вам нужно было позаботиться о клейме раньше. Сейчас вы этого сделать не можете, потому что девушку защищает собака. Убивать собаку нельзя, поскольку это собственность вашего правителя, и она будет оставаться его собственностью до тех пор, пока я не передам «подарок» королю Акильфадии. Насколько я понимаю, девушка намерена и дальше оставаться рядом с этой чудовищной псиной, а я намерен отправиться в путь к родным берегам немедленно. Задерживаться ради того, чтобы дать вам возможность отыскать несуществующее специальное поручение, я точно не буду. Купчая остаётся у вас, поэтому вы можете попытаться исправить свою ошибку позже, ну а пока позвольте откланяться. На бессмысленные споры с вами у меня времени нет.

Он предложил бы девушке сесть на коня, поскольку видел, что она сильно устала, но не рискнул – рядом с собакой ей будет безопаснее. До порта рукой подать, авось добредут как-нибудь потихоньку. Зверь тоже был ранен – тяжело дышал и с трудом переставлял тяжёлые лапы, но при этом не возражал, что Навина держится рукой за его шкуру. Процессия, двигавшаяся к порту, получилась впечатляющей. Впереди шли два стражника, освещая путь факелами. Следом за ними едва волочили ноги и лапы грязная девчонка и огромный потрепанный пёс. Позади с хмурым выражением лица шёл посол Акильфадии, ведя под уздцы своего коня, а сзади него гремели лёгкими доспехами ещё шесть вооружённых стражей. Лорд Луд тоже путался у Дэнзета под ногами – то пытался вразумить, то плевался угрозами. Отстал только в порту, когда Уартхол бесцеремонно посоветовал почтенному старцу убраться к демонам.

Капитану Гроу к этому времени уже успели доложить, какой груз ему придётся принять на борт, и его интересовал только один вопрос – куда зверюга будет справлять нужду. Эти вопросом он и поприветствовал Дэнзета, хотя изначально намеревался доложить владельцу судна о том, что ценная пассажирка всё ещё без сознания.

– Я сама буду ухаживать за собакой и убирать за ней, – ответила Навина капитану и посмотрела на Уартхола. – Должна же я как-то отблагодарить вас за спасение.

– Если это чудовище будет вести себя так же, как ты, вы оба будете плыть за «Королевой» до самой Акильфадии, – предупредил капитан, ткнув пальцем Дэнзету в грудь.

Только после этого он позволил девушке подняться на палубу и позвать за собой косматого зверя, выглядевшего более чем устрашающе.

– Не закрывайте её в трюме, пожалуйста, – попросила Навина у своего спасителя. – Она никого не тронет, клянусь!

Дэнзет недоверчиво покосился в сторону собаки, неуверенно поднимающейся по шаткому трапу, и поинтересовался:

– Откуда такая уверенность? Ты эту псину впервые видишь. Я, например, не смогу спокойно спать, зная, что она свободно разгуливает по палубе. Матросы тоже меня не поблагодарят за такое соседство, а на борту ещё и пассажиры есть.

– Она умная, как человек, только сказать ничего не может. Но всё понимает, – умоляюще прошептала девушка и погладила собаку по влажному носу, который размером был в два раза больше её ладони.

– Голова у неё большая, да, но насчёт всего остального... – поморщился Дэнзет. – Она вообще-то двух человек загрызла. Если бы этот зверь относился к людям с пониманием, его бы не перевозили в клетке в окружении такого количества стражи. А ещё от этой псины жутко воняет.

Собака посмотрела на него свысока, надменно фыркнула и растянулась на палубе вдоль борта. Навина уселась рядом, прислонилась к тёплым доскам спиной и положила руку на большую чёрную лапу.

– Это не собака, господин Уартхол. Это фьораг, – сообщила она.

– Кто? – непонимающе посмотрел на неё Дэнзет.

– Фьораг, – повторила девушка. – Страж Латернона. Вы слышали когда-нибудь о Латерноне и Хараганах?

– Проклятый богиней род драконоубийц? Слышал легенду, но ещё в детстве. Насколько мне известно, нет никаких подтверждений тому, что Хараганы на самом деле когда-либо существовали.

– Существовали, – уверенно заявила Навина. – Их замок скрыло Грязное море, но если подплыть к Таорнагу с юго-востока, то во время отлива можно увидеть верхнюю часть смотровой башни. Она хорошо сохранилась. И если вы слышали легенду, то про фьорагов тоже должны были слышать. Этих псов создали колдуны Хараганов для того, чтобы дракона, спящего под горой Таорнаг, никто не смог разбудить с помощью магии. Правда очень сильно отличается от легенды, но здесь у вас это вряд ли кому-то интересно. У каждого королевства своя история, а до других дела нет. Этот фьораг покусал воинов только потому, что у них при себе было что-то магическое. Амулеты какие-нибудь. По другим причинам фьораги на людей не нападают, если, конечно, не пытаются защитить хозяина. Но у них уже давно нет хозяев, они сами по себе.

– Этот зверь защищал тебя, – напомнил ей Дэнзет.

– Потому что я за него вступилась, – пояснила девушка. – Я же сказала, что фьораги умные. Если на вашем корабле нет ничего магического, эта девочка никому не причинит хлопот. Она ранена и напугана. Зачем вы везёте её в Акильфадия?

– Вот и мне хотелось бы это знать, – нахмурился Уартхол. – Подарить колдунье чудовище, которое рвёт в клочья всё магическое... У правителя Тсалитана оригинальное чувство юмора.

– Это подарок вашей королеве? – округлила Навина глаза.

– Угу, – кивнул Дэнзет. – И мне почему-то кажется, что это не весь подарок целиком, а только аванс. Полагаю, такая собачка у оракулов не одна.

– Я думала, что у нас в Иллиафии живёт последний фьораг, – сообщила Навина. – Их практически всех истребили, когда обвинили Хараганов в том, что море начало подниматься. Тогда магия тоже ушла, как сейчас. Фьораги просто защищали своих хозяев, поэтому их убили первыми. Не знаю, скольким тогда удалось спастись, но отец говорил, что Афуну уже больше пяти сотен лет, и он всегда был один. Он живёт в пещере на самом-самом северо-западе королевства и никого не трогает. У нас многие даже считают, что это дух Нэйджела Харагана. Он если не охотится и не спит, то сидит на скале, смотрит на гору Таорнаг и воет.

– А как же эти собаки выжили, когда магия ушла, если их создали колдуны? – спросил Уартхол.

– Ну они ведь не из магии состоят, а из плоти и крови, – слабо улыбнулась девушка. – Колдуны их просто изменили так, как было нужно Хараганам.

– То есть с размножением у них всё в порядке? – уточнил Дэнзет.

– Откуда мне знать? – пожала Навина плечами и зевнула, прикрыв рот рукой. – Если есть мальчики и девочки... Этот фьораг ведь не из воздуха взялся.

– Тебе нужно помыться, переодеться, поесть и поспать, – сменил тему Дэнзет, заметив, что его собеседница клюёт носом. – Завтра поговорим.

– Хорошо, – согласилась девушка, закрыла глаза и немедленно заснула.

Это было неожиданно. Дэнзет жестом подозвал юнгу и спросил, какая из кают свободна, но когда он вознамерился поднять Навину с палубы, то понял, что спать ей придётся под открытым небом – собака глухо зарычала и не позволила даже дотронуться до оберегаемого сокровища. Пришлось оставить их вдвоём, чтобы не нервировать непредсказуемого зверя.

– Без сюрпризов никак нельзя было обойтись? – проворчал Гроу, когда Дэнзет поднялся к нему на капитанский мостик.

– Когда вернёмся в Тсалитан, я возьму тебя с собой во дворец, и там ты сможешь лично спросить об этом у правителя, – пообещал ему Уартхол. – Сколько у нас птиц? Нужно послать весточку Колехортам. Сдаётся мне, я везу им в подарок объявление войны.

Глава 4

Верховный Оракул молчал и выглядел абсолютно спокойным, но на его выбритом виске отчётливо пульсировала тонкая синяя жилка – дурной признак. Лорд Луд не сомневался в том, что за утрату ценной рабыни ему благодарность не объявят, а предполагать масштабы наказания он даже не решался, поскольку было страшно.

– Её нужно вернуть, – высказал своё мнение Атаил, являвшийся второй по рангу персонажей в Гильдии оракулов.

– Не сейчас, – всё-таки снизошёл до разговора глава Гильдии. – Хитрый змей Уартхол действительно очень хорошо знает наши законы. И не только наши. Он подданный Акильфадии, поэтому даже та его собственность, которая находится здесь, защищена мирными соглашениями между королевствами. Без обвинения в серьёзном преступлении мы не можем ступить на палубу его корабля. Это будет считаться вторжением и нарушением соглашений. А в Акильфадии девчонка будет под защитой их законов. Отсрочка неприятна, да, но нам придётся подождать, пока Навина Тир не изволит вернуться к родителям в Иллиафию.

– Она может забрать оттуда родственников и остаться с акильфами, – заметил Атаил.

– Значит, нужно лишить её такой возможности. Я сам решу эту проблему, не предпринимайте ничего, – приказал Верховный Оракул. – Сейчас важнее, чтобы Уартхол доставил подарок Колехортам в целостности и сохранности. Селин, он ничего не заподозрил?

В покоях главы Гильдии Оракулов в этот поздний час собрались все, кто так или иначе был посвящён в его планы относительно Колехортов. Противник располагал магией и властью над драконами, поэтому выступить против акилфов открыто Тсалитан не мог – война заведомо оказалась бы проигранной, а хорошая подготовка к ней требовала времени и ресурсов. Могущество оракулов использовать нельзя. У Веи Колехортных на проклятия, а её треклятый супруг ясно дал понять, что обрушит на южное королевство пламя всех драконов этого мира, если хотя бы заподозрит, что оракулы замыслили какую-то подлость. Но у Тсалитана имелся козырь, о котором знал ограниченный круг посвящённых. С таким козырем можно было даже воплотить в жизнь давно забытые планы об установлении власти над всеми островами, и информация об этих намерениях не должна была ни в коем случае выйти за пределы тайных советов.

Старый лорд Луд в число посвящённых не входил, поэтому ему не нужно было знать, какой смысл вкладывает Верховный Оракул в свой вопрос к жрице Храма Даар. Мягко улыбувшись, Ланселина пригубила сладкое вино из высокого золочёного кубка и промурлыкала:

– Уартхол слишком высоко ценит своих друзей. В том, что подарок будет доставлен им в лучшем виде, можете не сомневаться. Даже если эта девчонка Навина наболтает ему лишнего, он всё равно не поймёт истинную ценность даров нашего правителя.

– Хорошо, – кивнул глава Гильдии и устремил на трясущегося старика тяжёлый взгляд. – Лорд Луд, вы можете идти.

В нарушение всех правил приличия у старого лорда от такой неслыханной милости некрасиво отвисла челюсть.

– Правда? – недоверчиво уточнил он.

Верховный Оракул в ответ только вопросительно приподнял бровь. Не дожидаясь, когда этот могущественный человек возьмёт свои слова назад, лорд Генри рассыпался в благодарностях, расшаркался, откланялся и поспешно убрался не только из помещения, но и из Храма Даар. Он был безмерно рад, что избежал наказания за серьёзную ошибку. Увы, его радость была недолгой.

– Избавьтесь от него, только тихо, – приказал глава Гильдии сразу же, как только за лордом Лудом закрылась дверь. – Терпеть не могу этих самонадеянных дворцовых лордов. Им ничего доверить нельзя.

* * *

В отличие от других королевств, правители Тсалитана никогда не были королями в полном смысле этого слова, хотя об этом мало кто знал. Со стороны казалась, что власть в южном королевстве устроена точно так же, как и везде – есть трон, есть древний род королевской крови, корона, печать, дворец, право издавать законы и вершить судьбы подданных. Но если бы кто-нибудь счёл необходимым внимательно изучить историю этого жаркого пустынного края, то непременно заметил бы, что с приходом нового правителя в королевстве не меняется ровным счётом ничего. Один король умирает, на трон садится другой, а законы продолжают оставаться такими же, какими они были на протяжении многих сотен лет. Да, изменение внешнеполитических отношений оказывало какое-то влияние на древние устои тсалитанского общества, но разительных перемен не было никогда. И дело было вовсе не в стабильности исторически сложившейся внутренней политики, а в том, что на самом деле Тсалитаном правил не король.

– Может, просто убьём псину? – предложил Гроу, опасливо косясь в сторону похрапывающего фьорага, между передними лапами которого мирно спала, свернувшись клубочком, хрупкая девушка. – Подумай хорошенько, Дэн. У королевы магия в крови, эта зверюга на части её разорвёт при первой же встрече. Представь, что могло бы случиться, если бы ты не встретил эту девчонку. В Акильфадии, как и везде, колдуны и пророки не бегают толпами, а те немногие, кто ею обладает, живут за Лунными горами вместе с королевской семьёй. Сначала эта собака начала бы бросаться на каждого, кто имеет при себе амулеты, и ты посадил бы её в клетку, но всё равно отвёз бы туда, где... Да что я тебе объясняю? Ты ведь не дурак, сам всё понимаешь.

– Ты прав, – согласился Дэнзет. – Я не дурак. Но я не могу просто избавиться от этого подарка, потому что за моими действиями следят провидцы. Я всего лишь посол. Уничтожив подарок их короля, я стану преступником, и Тсалитан получит законное основание расправиться со мной. Меня казнят по законам этого королевства, и Колехорты ничего не смогут сделать. А если меня казнят, Маркус начнёт мстить. Зная его, могу предположить, что начнёт он с того, кто подпишет приговор, а это будет тсалитанский правитель, который, скорее всего, даже не в курсе, что за зверя он мне подsunул. Начнётся бессмысленная резня, а истинные виновники останутся в стороне. Оракулы всё продумали, Гроу. У меня руки связаны.

– И что ты собираешься делать? – насупился капитан. – Ты же понимаешь, что зверя нельзя везти в Акильфадия.

– Понимаю, – кивнул Уартхол. – Полагаю, мы туда и не пойдём. Дождёмся Маркуса, а потом изменим курс.

– Ты вызвал его сюда? – удивился Гроу.

– А что ещё мне оставалось делать? – пожал Дэнзет плечами. – До тех пор, пока этот зубастый презент не передан мной из рук в руки Колехортам, он является собственностью правителя Тсалитана. Какая разница, где Маркус примет подарок? Отсюда он отправит благодарственное письмо в Тсалар, и здесь же распорядится насчёт дальнейшей судьбы собаки. Скажет убить – убьём, но он вряд ли так поступит. В отличие от южан, в акильфах кровожадности нет. Думаю, тебе придётся доставить зверя в Иллиафию. Заодно и девчонку вернёшь домой.

– Мне? – возмущённо скривился капитан. – Нет уж, Уартхол. Ты притащил сюда это вонючее животное и девицу, тебе с ними и нянчиться. Без тебя я их никуда не повезу. Либо так, либо я в ближайшем же порту заберу команду, и ищи других дураков. Ты владеешь только «Королевой морей», но не мной. Пора бы уже запомнить это.

Дэнзет помнил. Впервые ступив на палубу «Королевы морей» почти два года назад, он проявил непростительную самонадеянность, которая закончилась для некоторых членов

команды весьма плачевно. Тогда, после продолжительного купания в холодной морской воде, ему пришлось объясняться с Гроу, и этот суровый моряк отнёсся к недугу бешеного пассажира с пониманием. Во избежание новых приступов ярости Дэнзет получил разрешение до конца плавания спать на палубе под открытым небом, хотя Гроу вполне мог снова вышвырнуть его за борт и тем самым избавить себя от лишних хлопот. А позже, когда Уартхол стал послом и решил обзавестись собственным кораблём, именно Гроу сказал ему, что болтливые матросы уже давно распустили слух о диком нраве акильфа, и после этого мало кто согласится наняться к нему на судно. «Если договоришься о покупке «Королевы», я соберу для тебя команду, но тебе придётся считаться с ними и со мной. В противном случае будешь стоять у штурвала сам. Один», – предупредил его тогда капитан.

С этим человеком нельзя было не считаться. Он был одним из немногих, кому Дэнзет мог доверять. Не всё, конечно, некоторые тайны должны оставаться тайнами, но о многих вещах эти двое говорили открыто, не опасаясь предательства. Да, Уартхол оплачивал труд капитана и команды, но он всегда относился к этим людям с уважением, а не как хозяин. Они уважали его в ответ, и менять эти отношения ради какой-то вонючей псины Дэнзету очень не хотелось бы.

Если торговому судну вроде «Королевы морей» требуется семь дней попутного ветра, чтобы преодолеть расстояние между Тсалитаном и Акильфадией, то птице-вестнику достаточно и одного дня. Драконы летают ещё быстрее. Меньше, чем через два дня король акилфов Маркус Колехорт спустится со спины своего дракона на борт корабля и решит, как поступить с «подарком», а до тех пор нужно просто сохранять спокойствие.

– Я попросил Маркуса прихватить с собой побольше сонного зелья для собаки, – сообщил Дэнзет капитану. – Так или иначе, этот зверь никому не должен навредить.

– Лучше бы ты попросил его прихватить хорошего лекаря для второй девчонки, – проворчал Гроу в ответ. – На ней живого места нет.

– Пойду проведаю её, – кивнул Уартхол. – И заодно поищу одежду для Навины.

Покупая «Королеву морей», он уже знал о том, что ему предстоит переправлять из Тсалитана в Акилфадия выкупленных рабов, поэтому корабль сразу был переделан из торгового судна в торгово-пассажирское. Крошечные каюты, обустроенные на нижней палубе, вмещали каждая не больше двух человек и не могли порадовать пассажиров комфортом, но бывшие рабы были благодарны и за такие условия. Вдобавок к этому на корабле всегда имелся запас простой, но добротной одежды разных размеров. В Тсалитане жарко в любое время года, но в Акилфадии климат совсем другой, и королева Вея настаивала на том, чтобы Дэнзет хорошо заботился о выкупленных рабах. Питиевая вода, провизия, мыло, одежда – всё это оплачивалось не из личного кошелька посла, а из акильфийской казны. «Люди должны чувствовать себя людьми», – говорила Вея Колехорт, и Дэнзет полностью её в этом поддерживал.

В этот раз «Королева морей» снялась с якоря на несколько дней раньше намеченного срока и не успела полностью принять на борт товарный груз. Трюмы были заполнены только наполовину, но все необходимые запасы приобретались в первую очередь, и насчёт обеспечения пассажиров едой и одеждой Дэнзет не волновался. Да и рабов на борту было немного – всего шесть человек на двадцать мест. Каждый получил возможность путешествовать в отдельной каюте, а Миру разместили в той, которая была ближе других к палубному люку. Дэнзет просил капитана позаботиться о девочке, и тот не придумал ничего лучше, чем озадачить этим одну из бывших рабынь – невзрачную женщину лет сорока, забитую настолько, что она вздрагивала при каждом шорохе. Маб проработала в одном и том же доме в Тсалитане почти двадцать лет, но ей не повезло с хозяевами – несчастную били за малейшую провинность, вследствие чего у неё слегка помутился рассудок.

– Это я, Маб, не бойся, – подал голос Дэнзет, открывая низкую дверь маленькой каюты, и поднял масляный фонарь к своему лицу, чтобы женщина могла понять, кто пришёл.

Маб узнала его не сразу – понадобилось некоторое время, чтобы испуг в её глазах сменился едва ли не благоговением.

– Девочка разговаривает во сне, – доверительным шёпотом сообщила освобождённая рабыня своему спасителю. – Она ваше имя называет и бормочет что-то о демонах. Кажется, у неё началась лихорадка.

Дэнзет вошёл в каюту, поставил фонарь на широкую полку рядом с другим таким же фонарём и осторожно дотронулся рукой до влажного, покрытого крупными каплями пота лба Миры. Он хотел лишь убедиться в том, что Маб ошиблась насчёт лихорадки, но в следующее же мгновение оказался прижатым к дощатой перегородке, а в его горло впились длинные острые ногти. Он даже не понял, как это произошло.

– Мира, это я, Дэнзет Уартхол. Друг Веи Ког. Ты помнишь Вею? – медленно заговорил он, глядя в горящие ненавистью глаза девочки, которая мгновение назад казалась чуть ли не покойницей, а теперь была похожа на разъярённую кошку.

Маб не ожидала от своей избитой подопечной такого поведения, поэтому предпочла выскользнуть из каюты раньше, чем бешеная девица обратила на неё внимание.

– Где мы? – прошипела Мира Дэнзету в лицо, не обращая внимания на огромный синяк в половину лица, который наверняка причинял ей сильную боль.

Уартхол на всякий случай осторожно поднял руки, показывая, что не намерен оказывать сопротивление, и спокойно ответил:

– На корабле, который идёт в Акильфадию. Я везу тебя домой.

– Слушай меня внимательно, Уартхол, – быстро заговорила Мира, ещё глубже вонзив ногти в кожу его шеи. – Мне нельзя в Акильфадию. Вези меня на Мёртвые острова, понял? Тебя подставили. Во мне сидит демон, жаждущий крови Колехортов, и я не могу его контролировать. Свяжи меня покрепче, дай сонное зелье, если есть, и ни при каких обстоятельствах не подпускай ко мне никого, в ком есть хотя бы капля их крови. Я убью их всех. Даже детей.

– На Мёртвых островах живёт Оуэн Колехорт, брат Маркуса, – сообщил ей Дэнзет. – Это по его просьбе я тебя искал. Только вот никто из нас не знал, что это ты. Может, отпустишь меня уже, и поговорим спокойно?

– Если я тебя отпущу, оракулы услышат наш разговор, – ответила Мира. – Это долго объяснять, а я скоро снова потеряю сознание. Уартхол, я проклята. Они знали, что ты меня ищешь. Пожалуйста, сделай так, как я говорю, или убей меня.

– Ты хочешь прикончить Оуэна? – уточнил Дэнзет.

– Его кровь испорчена проклятием кьорвигов точно так же, как и моя. Демон не учует в нём Колехорта, и этот человек может мне помочь. Я...

Её лицо вдруг застыло, а покрытое синяками тело обмякло и повалилось Дэнзету на колени. Ткань просторной рубашки при этом сдвинулась, обнажив плечо, на котором алым рубцом вздулся ожог свежего клейма – не рабского. Когда людям Уартхола удалось отыскать Миру где-то в королевстве Аукерост, её руки от запястий до плеч уже были сплошь покрыты отпечатками раскалённого железа. Девочку перепродавали с рук на руки не меньше десяти раз, и последнюю покупку тоже пришлось отметить клеймами на коже этого несчастного ребёнка. Было поставлено два клейма, одно из которых принадлежало продавцу, а второе говорило об освобождении. Рисунок второго был одинаковым для всех королевств Сальсирии – он сообщал о том, что этот человек больше никому не принадлежит и волен распоряжаться своей судьбой самостоятельно. Оба последних клейма стояли на левой руке Миры выше локтя, а ожог с незнакомым узором Дэнзет обнаружил на её правом плече.

– Да чтоб вас! – высказался он в адрес оракулов и бережно уложил девочку обратно на подушку.

Оказывается, оракулы доверили ему не один смертельный презент для Колехортов, а сразу два. Фьораг рвёт в клочья всё магическое. Юная акильфийская провидица, которой Мар-

кус и Вея были бы безмерно рады, жаждет их крови. Может, Великие Боги всё-таки видят что-то из своих Небесных Храмов, и им не всё равно, раз уж Дэнзету Уартхолу посчастливилось узнать о сути «подарков» до того, как случилось непоправимое?

– Гроу, у нас появилась ещё одна проблема, – сообщил Дэнзет капитану, вернувшись на мостик.

– Странно, что всего одна, – спокойно отозвался капитан. – У тебя просто поразительная способность плодить их в огромном количестве. И что на этот раз, кроме того, что кто-то пытался вырвать тебе глотку?

Уартхол провёл ладонью по шее там, где недавно в кожу вонзились острые ногти, и действительно обнаружил кровь.

– Девочка проклята оракулами, – задумчиво сообщил он. – Вряд ли она сможет объяснить детали, но в Акильфадии ей делать нечего. Мы пойдём в обход Сеара по южному пути к Мёртвым островам. У тебя есть сонное зелье?

– Зачем?

– Хочу быть уверен, что она не прикончит Маркуса, когда он здесь появится.

– А разве он не поклялся выжечь Тсалитан дотла, если хотя бы услышит о том, что оракулы снова взялись за своё? – напомнил Гроу. – Как по мне, так это давно пора было сделать.

– Так он уничтожит королевство, но не проблему, – возразил Дэнзет. – Оракулы наверняка уже придумали способ избежать возмездия, если действуют так нагло. Это опасный противник.

– Да уж, – согласился капитан. – Мерзкий красноглазый пёс, проклятая девка и негласное объявление войны... Уартхол, почему я продолжаю работать на тебя, когда даже простым матросом на другом судне было бы намного проще и спокойнее?

– Может, потому что ты не любишь, когда жизнь проста и спокойна? – предположил Дэнзет. – Ну так что насчёт зелья?

Гроу вздохнул и сокрушённо покачал головой.

– Спроси у Дьюка, он у нас тут вроде как за судового лекаря. Ключи от кают тоже у него. И придумай способ убрать с палубы последний живой груз, потому что к утру нас накроет шторм. Чуешь, как воздух пахнет? С севера идёт. Надо было раньше выходить из порта, тогда успели бы проскочить, а теперь точно накроет.

– Проклятье! – высказал Дэнзет своё мнение и пошёл к Дьюку просить зелье для Миры и для себя, поскольку непогода наверняка загонит его в каюту, и собственный демон точно не упустит этот редкий шанс вновь вырваться на свободу.

Глава 5

Навина спала так крепко, что не реагировала даже на громкий крик. Зато на него реагировал фьораг – собаке определённо не нравился шумный человек, который доставляет столько беспокойства. Пламя в красных глазах, предупреждающее рычание, злобный оскал... Дэнзет выдохся, пока пытался разбудить девчонку так, чтобы при этом не попасть на зуб огромному зверю.

– Она сказала, что ты умная, – упрекнул он фьорага, не желая сдаваться, и поднял палец вверх. – Видишь эти тучи? А ветер чувствуешь? А качку? Если вы оба сейчас не уберётесь с палубы, через час вас просто смоем отсюда в Грязное море. Хочешь, чтобы она утонула? Мне плевать, я ей ничего не должен, но тебя-то она спасла. Собой заслонила, не позволила копытами утыкать. Вот если ты не утонешь, то как потом будешь жить с мыслью о том, что она погибла по твоей вине?

– Дэн, это собака, – напомнил ему Гроу. – Она тебя не понимает. И если она сгинет в море, я точно не расстроюсь. Ты бы о себе лучше подумал.

– Я подумал, – сообщил Уартхол. – Где верёвки, знаю. Когда начнёт качать сильнее, попрошу кого-нибудь привязать меня к мачте, но в каюту не пойду.

– Ты совсем спятил? – спокойно уточнил капитан.

– Уже давно. Чем меня воспитывать, лучше придумал бы, как эту псину отсюда убрать.

– Ты её сюда привёл, ты и думай, – пожал плечами Гроу и вернулся к своим обязанностям.

Дэнзет проводил его хмурым взглядом и снова посмотрел на фьорага.

– Слушай, собака... Я ведь не пытаюсь забрать у тебя эту девчонку. Я вам обоим предлагаю безопасное временное убежище. Потом вернётесь сюда, раз уж вам тут так нравится. Да, в каюте будет тесно, потому что ты очень большая, но там хотя бы сухо и нет шанса угодить за борт. Если, конечно, мы все вместе не пойдём ко дну.

Прозвучавший вслед за этими словами короткий смешок заставил его замолчать и внимательно присмотреться к девушке. Ветер сильно растрепал её и без того спутанные волосы, и лицо было закрыто ими почти полностью, но даже так было заметно, что Навина улыбается.

– Смешно, да? – обиделся Дэнзет. – Я тут распинаюсь перед тупой собакой, как дурак, чтобы шторм вас не убил, а тебе смешно. Отлично!

– Шторма не будет, – продолжая улыбаться, произнесла девушка и открыла глаза.

– Да неужели? – раздражённо отозвался Уартхол. – Скажи это погоде, треклятому ветру и вон тем тучам.

Навина села, убрала с лица волосы и внимательно всмотрелась в затянутое непроглядной серостью небо.

– Слушай, просто уберись с палубы вместе с этой псиной в каюту или в трюм. Большого я от вас не жду, – начал закипать Уартхол, на которого тьма и запах близкой грозы действовали не лучшим образом.

Где-то совсем рядом раздался раскат грома такой силы, что на несколько мгновений вся команда «Королевы морей» слегка оглохла. Капитан Гроу на мостике вслух и не слишком лестно помянул морских демонов. Дэнзет почувствовал, как волоски на руках поднимаются дыбом, а здоровенная собака даже ухом не повела, как будто ничего не слышала. Девушка тоже вела себя странно – она продолжала всматриваться в затянутое тучами предзакатное небо и улыбалась.

– Смотрите! – вдруг указала она вверх. – Вот он! Только что он здесь делает? Ему здесь не место.

Уартхол решил было, что лорд Луд был прав, и у девчонки не всё в порядке с головой. Но он всё же заставил себя посмотреть туда, куда она показывала, и от удивления раскрыл рот,

чего с ним не случилось уже очень давно. На фоне тёмных туч ярко светилось, постепенно увеличиваясь в размерах, белое пятно. Сверкнула молния – прорезала густую тьму и вонзилось в сияющее нечто будто для того, чтобы придать ему сил. Вслед за этим снова раздался громкий треск, едва ли не разрывающий барабанные перепонки. И вой – долгий, протяжный, навевающий тоску и ужас одновременно.

– Это Айханар! Снежный демон! – выкрикнул кто-то из моряков, и на борту судна начался настоящий хаос.

До этого момента Дэнзет был склонен полагать, что команда «Королевы» напрочь лишена страха. Эти люди не только видели вблизи самых жутких драконов этого мира, но некоторые даже осмеливались прикоснуться к крылатым чудовищам, а уж морские-то твари их и вовсе никогда не пугали. Даже юнга, которому вряд ли было больше двенадцати лет от роду, не роптал ни перед бурей, ни перед опасностями. А теперь они все будто с ума сошли – побросали свои дела и спешно искали укрытие. Бегали по палубе, кричали, суеились. И Гроу... Непокосимый как скала капитан тоже запаниковал, хотя от него Дэнзет ожидал подобного меньше всего. Гроу бранился, спешно привязывал себя тонким канатом к штурвалу и выкрикивал только один приказ – бежать и прятаться. Для Уартхола это был не столько приказ, сколько дружеский совет, но Дэнзета настолько завороживала разворачивающаяся в небе картина, что инстинкт самосохранения дал сбой.

– Снежный демон? Что это такое? – спросил он у Навины, которая не только не выказывала и тени страха, но, кажется, пребывала в восторге от того, что пугало других.

Девушка опустила взгляд и уставилась на него с таким удивлением, будто видела впервые.

– Вы не знаете? – ошеломлённо спросила она.

– Нет, – честно признался Дэнзет и схватился рукой за край борта, потому что корабль начал качаться на волнах сильнее, чем прежде.

– Это одна из четырёх основ нашего мира, – сообщила Навина, снова подняв глаза к небу. – Когда-то очень давно предки моей семьи были магами и обучались в Храмах Стихий. Там им рассказывали, что Сальсирия была создана Великой Богиней Даар из обычного камня. Но в камне нет жизни, из него нельзя сделать что-то живое, поэтому Великие Боги используют духов стихий. Это не демон, а дух, господин Уартхол. Один из духов. Их четыре.

Ей приходилось кричать, потому что бушующее море перекрывало все остальные звуки. Солёная вода хлестала на палубу через борт. «Королеву» бросало с одной волны на другую, и найти укрытие в сложившихся обстоятельствах было бы лучшим решением, но Навина не выказывала такого желания или намерения. Бесстрашие это или безумие – Дэнзету было плевать. Эта девушка и её поведение приводили его в замешательство, а он не любил пребывать в таком состоянии. Ему нужна была ясность.

– Спустимся вниз! – выкрикнул он, предлагая ей убраться с палубы, как это уже сделали все, кроме капитана.

– Зачем? – крикнула она в ответ.

Корабль подняло на очередной волне и вот-вот должно было с силой бросить вниз, поэтому Дэнзет инстинктивно намотал на одну руку конец каната, закреплённого у борта, а другой схватил Навину за локоть и резко притянул её к себе, чтобы она не оказалась за бортом. На фьорага он давно перестал обращать внимание, поскольку в небе имелось что-то пострашнее огромной клыкастой собаки. Свалится зверюга в море – туда ей и дорога. Одной проблемой меньше будет.

От Навины пахло морем, псиной и запёкшейся кровью. Не её кровью – собачьей. Уартхол видел, как недавно фьораг зализывал раны, до которых мог дотянуться, не беспокоя спящую спасительницу. А ещё эта девушка основательно промокла. Платье на ней явно не предназначалось для жаркого южного климата – оно было тяжёлым и плотным и до того, как его насквозь пропитала солёная морская вода. Но искать укрытие теперь уже не имело смысла –

нужно было просто крепко за что-нибудь держаться, потому что стихия отсрочек не даёт и ни о ком не заботится.

– Держись за меня! – крикнул Дэнзет Навине в ухо.

Она снисходительно улыбнулась, но всё же обвила его талию руками. Он обхватил её свободной рукой и прижал к груди. Напрягся, готовясь к неминуемому падению, но оно не случилось. Большая волна не швырнула корабль в морскую пучину – она вздыбилась, а потом вдруг мягко осела, позволив «Королеве морей» скользить, но не падать. И ветер вдруг стих, а море успокоилось в несколько мгновений, что было в корне неправильно и ненормально. А сияние в небе исчезло, втянув в себя всю мощь и черноту несостоявшейся грозы.

– Я же сказала, что шторма не будет, – пробормотала девушка Дэнзету в грудь. – Отпустите меня, пожалуйста.

Уартхол некоторое время недоверчиво смотрел на восходящее над горизонтом солнце, а потом всё же решился ослабить хватку.

– Ты можешь объяснить, что это такое сейчас было? – хмуро осведомился он, когда Навина отстранилась от него, сделала шаг назад и убрала с лица мокрые спутанные волосы.

С капитанского мостика донеслась отборная брань – Гроу высказывал своё мнение относительно произошедшего. Дэнзет отвлёкся на него и не заметил, как собака поднялась на лапы с намерением стряхнуть со шкуры воду. В следующий миг его обдало фонтаном грязных, злобонных брызг.

– Проклятье! – выругался Уартхол, отскочив в сторону.

Фьораг тряс шкурой до тех пор, пока не счёл её достаточно сухой, а потом снова разлёгся на палубе как ни в чём не бывало и широко зевнул.

– Этого зверя надо хорошенько вымыть, – брезгливо скривился Дэнзет, обняв свою одежду, и жестом приказал Навине следовать за ним. – Идём, я дам тебе сухое платье. Потом поговорим. За собаку не волнуйся, её никто здесь не тронет.

Он чувствовал себя неудобно. Грозы хоть и не приводили его в состояние неконтролируемой ярости, как это делали тёмные ограниченные пространства, но всё равно вызывали отклик в душе. Эмоции становились отражением бури, но не пробуждали желание убивать. В такие моменты Уартхол просто ощущал себя частью стихии, хотя разумом понимал, что это не так. А когда гроза заканчивалась, буря в душе тоже стихала, но не в одночасье, как случилось в этот раз, а постепенно. Дэнзет мог пребывать в состоянии раздражения или даже гнева ещё день или два, но в данный момент он ничего такого не испытывал. Это было странно, непонятно, и требовало хоть какого-нибудь объяснения. Вообще всё требовало объяснения – несостоявшийся шторм, какой-то неведомый дух стихий, беспечное поведение девчонки. Слишком много странностей начало происходить в последнее время, и Уартхола это беспокоило.

Матросы попрытались кто где мог. Пока Дэнзет вёл Навину к одной из свободных кают, они отовсюду высовывали свои носы и спрашивали, убрался ли Снежный демон с горизонта. Уартхол либо молча проходил мимо, злясь на бывалых моряков за трусость, либо давал один и тот же односложный ответ. Только юнге он уделил больше внимания, чем остальным, но и то исключительно ради того, чтобы распорядиться относительно какой-нибудь еды и ведра чистой воды для промокшей пассажирки.

– Вы всегда такой чёрствый? – осведомилась Навина, когда Дэнзет открыл перед ней дверь одной из маленьких кают.

– Чёрствый? – переспросил он.

– Да, чёрствый. Суеверный страх ваших людей хоть и не имеет под собой никаких оснований, но они всё-таки напуганы, а вы на них рычите.

– И что? – не понял Дэнзет.

Она уставилась на него ошеломлённо и только головой покачала. Судя по всему, тема суеверных страхов и рычащих послгов себя исчерпала, поэтому Дэнзет просто выдал девчонке

сухую одежду из корабельных запасов и попросил оставаться в каюте, поскольку скоро должны принести воду для омовения и еду. У него имелось очень много вопросов к Навине, но нужно было посмотреть, как себя чувствует Мира, и справиться о том, не нужна ли какая-нибудь помощь другим пассажирам.

– Господин Уартхол, вы меня обижаете, – насупился судовой лекарь Дьюк, когда Дэнзет столкнулся с ним нос к носу в узком проходе между каютами и спросил, не пострадал ли кто-нибудь во время сильной качки. – Я вас когда-нибудь подводил? За весь прошедший год хоть кто-нибудь из пассажиров пожаловался на плохие условия или отсутствие заботы? Всё с ними в порядке, если не считать испуг, ссадины и пару ушибов. Мы и не в такие шторма попадали, умеем справляться.

– Я не контролирую твою работу, а просто хочу быть уверен, что все люди целы, – проворчал Дэнзет в ответ, не испытывая неловкости за своё желание быть в курсе состояния пассажиров. – Мира тоже в порядке?

– Я привязал её сразу же, как только начало качать, – угрюмо сообщил Дьюк. – И влил ей в рот настойку, как вы велели. Ещё два дня проспит теперь, хотя это и не очень хорошо.

– Пусть спит, не трогайте её, – распорядился Дэнзет и заметил: – А ты не выглядишь напуганным, как остальные.

– Если верить всему, во что верят другие, можно с ума сойти, – с усмешкой ответил моряк. – Снежные демоны, злобные божества, хищные твари, которые живут в спящем огне мёртвых вулканов... В какой бы части этого мира вы ни оказались, господин Уартхол, везде вас встретят легендами о кровожадных и беспощадных чудовищах. Не верьте всему, что слышите.

– Но ты же видел, что происходило наверху? – уточнил Дэнзет. – У тебя есть этому разумное объяснение?

– Магия, – предположил он. – Мы идём в Акильфадия, шторм мог нам навредить, и королева Вея его остановила.

– Логично, – согласился Уартхол и позволил Дьюку дальше заниматься срочными и важными делами, которых на корабле во время плавания всегда невпроворот.

Он видел, как один из матросов несколько минут назад принёс в каюту Навины ведро с водой. Насчёт завтрака после случившегося потерпеть, наверное, придётся всем, и это время можно было бы потратить на обстоятельную беседу, но девушке нужно привести себя в порядок, а женщины не умеют делать это быстро. Точнее, такие женщины, как эта. Освобождённые рабыни расторопны, но Навина не успела ни клеймо заполучить, ни прочувствовать тяготы рабства. По поведению видно, что она из знатной семьи, хотя и одета хуже бездомной нищенки. А если она дочь знатного рода, то мыться будет точно не меньше часа.

Дэнзету тоже не мешало бы переодеться в сухое. Он редко поднимался на борт «Королевы морей», поэтому обычно просторная капитанская каюта всецело принадлежала Гроу, но если владельцу судна приходилось путешествовать, помещение они делили с капитаном на двоих. Дэнзет мог спать там только днём, а Гроу в это время суток, как правило, бодрствовал, в связи с чем неудобств никто никому не доставлял. Из вещей, принадлежавших Уартхолу, в каюте был только небольшой сундук, за содержимым которого верный Дьюк следил не менее тщательно, чем за комфортом и здоровьем пассажиров «Королевы».

Гроу сидел за столом в каюте и пил горячее пряное вино – по мнению судового лекаря, лучшего средства привести мысли в порядок просто не существует.

– Дэн, ты знаешь, что это было? – задумчиво поинтересовался капитан, когда Дэнзет вошёл в помещение и принялся рыться в своём сундуке.

– Вы все так громко орали о Снежном демоне, что я почти поверил, – отозвался Уартхол.

– Не-е-ет, – протянул Гроу. – Снежные демоны вызывают сильный ветер, ледяной дождь и метель. На суше они замораживают целые селения, а на море топят корабли и пожирают моряков, которые падают в воду. Это было что-то другое. Ты видел, что оно сделало?

– Поглотило бурю, – спокойно ответил Дэнзет, скептически разглядывая короткие бриджи и просторную рубашу, которые выудил из сундука. – Навина говорит, что это какой-то дух стихий. Я тебе перескажу подробности, когда сам их узнаю. Не возражаешь, если я здесь переоденусь?

– Это твой корабль, – вяло напомнил ему Гроу. – Можешь хоть голым по палубе ходить, никто и слова не скажет.

– Я в курсе, – кивнул Уартхол. – Из вежливости спросил.

– Дух стихий... – задумчиво пробормотал капитан. – Никогда о таких не слышал. А уж видеть своими глазами... Хм. Уартхол, ты извини, но мне нужно вздремнуть.

– Да сколько угодно, – разрешил ему Дэнзет, натянул чистую рубашу через голову, закатал рукава и покинул каюту, подсчитав, что дал девчонке достаточно времени для того, чтобы она привела себя в порядок.

Жизнь на корабле быстро вернулась в прежнее русло. Фьораг развалился на палубе у борта и мирно спал, никому не причиняя беспокойства. За штурвалом стоял помощник капитана Милтон, матросы сновали туда-сюда, чётко выполняя его приказы, но в воздухе после случившегося всё равно витало осязаемое напряжение. «Надо будет объяснить им, что случилось», – подумал Дэнзет, но для начала ему не мешало бы разобраться в ситуации самому.

Навина не ответила на стук в дверь, потому что в каюте её не было. Ни ведра с водой, ни мокрого тряпья, ни свежей одежды – о том, что в этом крошечном закутке недавно кто-то находился, свидетельствовали только влажные разводы на полированных досках пола. Недовольный нарушением его прямого и чёткого распоряжения, Дэнзет заглянул в каждую из других кают в поисках беглянки и нашёл её рядом со спящей Мирой, которая всё ещё оставалась привязанной к грубой лежанке.

– Ты что здесь делаешь? – свирепо осведомился Уартхол. – Я разве не велел тебе оставаться в своей каюте?

– Я искала человека, который мог привлечь внимание духа, – пояснила Навина и указала на Миру. – Почему эта девушка так ужасно выглядит? За что её избили? И почему она привязана?

– Это не твоё дело, – рыкнул Дэнзет. – Выйди.

Навина недовольно поджала губы, но не ослушалась. В чистой одежде и с завязанными на макушке в пучок волосами она выглядела куда лучше, чем раньше. И теперь от неё пахло не псиной и кровью, а ароматным травяным мылом, но Дэнзет был слишком зол, чтобы оценить эти перемены. Проводив непослушную пассажирку до отведённой ей каюты, он вошёл следом, велел девушке сесть и сам сел напротив, скрестив руки на груди и сверля её гневным взглядом.

– Послушайте, господин Уартхол, – разозлилась и она тоже. – Я понимаю, что должна быть благодарна вам за спасение. Знаю, что это ваш корабль, и все здесь обязаны вас слушаться, но я не ваша собственность. Я даже не подданная Акильфадии, поэтому не надо обращаться со мной подобным образом. Вы не имеете никакого права грубить мне. Как вы вообще с таким невыносимым характером умудрились стать послом? Где ваша дипломатия? С фьорагом вы и то вежливее разговаривали, чем со мной. И к другим людям вы тоже относитесь, как...

– Ты замолчишь хотя бы на минуту? – невозмутимо поинтересовался Дэнзет.

Девушка гневно сверкнула глазами, вызываясь вздёрнула подбородок и тоже скрестила руки на груди.

– Да хоть навсегда!

– Вот и славно. Вчера ты мне нравилась гораздо больше, когда скромно помалкивала, пряталась за собакой и выглядела несчастной. Тогда мне хотелось тебя защитить, а теперь я начинаю полагать, что совершил ошибку. Кто ты такая, Навина Тир?

– Я не обязана вам отвечать, но отвечу, – сузив глаза, гордо произнесла она. – Человек. Женщина. Гостья на вашем корабле. Этого мало?

Дэнзет вопросительно приподнял бровь, не понимая, чего она добивается, и прямо спросил:

– Ты извинений что ли ждёшь?

Навина нахмурилась, задумалась ненадолго, а потом забралась на лежанку с ногами и привалилась спиной к доскам стены.

– Да ничего я от вас не жду, – произнесла она разочарованно. – Я просто столько хорошего о вас слышала, а вы ведёте себя как тиран.

– Ну, значит, ты слышала обо мне далеко не всё, – усмехнулся Дэнзет в ответ. – Я тиран и деспот. Циничный мерзавец, безжалостный убийца, прожигатель жизни и иногда пьяница. Меня уважают ровно настолько же, насколько ненавидят. И мне не жаль тебя разочаровывать, потому что я нравлюсь себе именно таким. А теперь вернёмся к тебе. Я спросил, кто ты такая, и хотел бы получить ответ на этот вопрос. И не только на этот.

– Вы не такой, – возразила девушка устало. – Но вы правы в том, что я разочарована. Ну и ладно. Это моя проблема, а не ваша. А что до вашего вопроса, то мне почти нечего сказать. Отец говорит, что род Тир очень древний, и когда-то давно наши предки были приближёнными королей. Тогда у семьи были обширные владения, леса, поля, пастбища, фермы, а теперь ничего этого нет. Мы нищие. Остались только имя и фамильная гордость.

– Тебя продали Гильдии работоторговцев из-за нищеты? – уточнил Дэнзет.

– Я не знаю, почему меня продали, – призналась Навина. – В Иллиафии не принято об этом спрашивать. Вы там бывали хоть раз?

– Не доводилось.

– И не надо. Там ничего нет. Может, когда-то наше королевство и было процветающим, но мне кажется, что это всё сказки. Северные имения ещё как-то держатся, потому что кьорвиги до них не добрались, а на южном всё давно уничтожено. А король бездумно распродаёт всё, что осталось, включая людей. Иногда работоторговцы приходят сами, но обычно у них есть разрешение с королевской печатью. Моему отцу такое же предъявили, поэтому он не мог возразить.

– Разрешение или указ? – спросил Уартхол.

– А есть разница? – горько усмехнулась девушка. – У нас всё, что делается с дозволения короля, считается его волей.

– То есть он просто назвал твоё имя, и Гильдия пришла выкупить тебя у родителей?

– Ну да, – пожалала Навина плечами. – В этом нет ничего необычного, такое часто происходит. Только деньги достаются не родственникам, а казне. Мои родители вообще ничего не получили.

– Странно, – нахмурился Уартхол. – У меня об Иллиафии другие сведения.

– А кто вам их дал? – уточнила Навина. – Если бы вы хоть с одним рабом пообщались из тех, кого выкупили, то знали бы намного больше правды. Иллиафия продана Тсалитану уже давно. Наши послы, живущие в других королевствах, красочно расписывают, как у нас всё замечательно, потому что им приказано так говорить. А народ помалкивает, предпочитая думать, что изменить уже ничего нельзя, и остаётся только смириться. Я от них ничем не отличаюсь. Я тоже смирилась и тоже молчу. Это сейчас просто крик души был, не обращайтесь внимания. Вы всё равно ничего не сможете изменить.

– Я не смогу, – согласился Дэнзет. – Но есть те, кто сможет, если предоставить им достоверную информацию о проблеме.

– Это вы сейчас Колехортов имеете в виду? – спросила девушка.

Они и дальше обсуждали бы внешние и внутренние проблемы Иллиафии, но разговор пришлось прервать, потому что с камбуза принесли завтрак. Уартхол не испытывал голода, он накануне хорошо поужинал, а Навине нужно было основательно подкрепиться. При виде

миски с кашей у неё разве что слюнки не потекли, хотя бедняжка изо всех сил старалась не показывать, насколько голодна.

– А что едят фьораги? – поинтересовался Дэнзет, намереваясь оставить её наедине с завтраком.

– Мясо, – просто ответила девушка. – Они охотятся. Не знаю, на кого, но пададь не трогают. Брезгуют. А рыбу едят охотно. Наши рыбаки Афуна часто свежей рыбой подкармливают, потому что он очень старый.

– Потрясающе, – скривился Уартхол. – Значит, рыбалка. Гроу будет в восторге.

Глава 6

– Получилось?

– Да. Он ни о чём не догадывается, но эта девчонка Навина всё-таки слишком много болтает. Её осведомлённость в том, что давно должно было быть забыто, просто поразительна.

– Это не имеет значения, – отмахнулся Верховный Оракул от мнимой проблемы. – Что бы она ни наболтала, проклятие уже начало набирать силу, и Колехорты не смогут его распознать или остановить. Не успеют, потому что умрут. Время, Селин – вот что сейчас самое важное. Чем быстрее будет совершена первая жертва, тем раньше мы достигнем цели.

– А Уартхол? – спросила Ланселина о том, что волновало её больше всего. – Вы обещали отдать его мне.

– Ты его получишь, – подтвердил глава Гильдии. – Потерпи немного. Чем дольше вынашиваешь планы мести, тем слаще становится сама месть.

– Да, – согласилась Селин и с мечтательной улыбкой посмотрела на море, которое всё дальше уносило от неё объект мщения.

Она лелеяла свои планы уже больше года – с тех самых пор, как Дэнзет Уартхол стал посланцем Акильфадии при дворе правителя Тсалитана. Этот человек не имел ни малейшего представления о том, какие муки ей довелось испытать за проявленную к нему доброту. Оракулы не прощают ошибок, а Селин совершила серьёзный промах, когда однажды ночью помогла незадачливому посетителю выйти с территории Гильдии в обход свирепых сторожевых псов. Она не знала, что он вор, но её всё равно наказали. Так наказали, что воспоминания об этом до сих пор причиняли боль. А он? Вернулся в Тсалитан как ни в чём ни бывало, увешанный посольскими регалиями. Неприкосновенный, надменный, отвратительно самоуверенный. Ещё и искать её начал, будто мало ей было перенесённых из-за него страданий. Мерзавец. Время, проведённое рядом с Уартхолом без возможности отомстить ему, казалось Ланселине ещё худшей пыткой.

«Ну ничего, милый. Скоро ты будешь молить меня о прощении, а я постараюсь сделать так, чтобы твои муки стали невыносимыми. И когда услышу мольбы о смерти, только рассмеюсь тебе в лицо, потому что ты не можешь умереть. В этом твоя слабость, Уартхол. Тебя можно убивать, но нельзя убить. Тем слаще будет моя месть. За каждое мгновение моих страданий ты заплатишь годами своих», – думала Селин, глядя на далёкое море из окна самой высокой башни Храма Даар.

А Верховный Оракул в это же время думал о том, что жрица права – девчонка Навина Тир слишком много знает такого, о чём люди давно должны были забыть. Это могло создать определённые проблемы. Пока её слова слышит только Уартхол, никакой опасности нет, но если информацией заинтересуются Колехорты, скрытая политика Тсалитана в отношении других королевств может оказаться под угрозой. Оставалось надеяться только на то, что у акилфов не будет времени на чужие дела, поскольку им придётся спасать собственные жизни. Точнее, не спасать, а пытаться спасти. Их участь определена. Нужно только дождаться первой жертвы, и тогда уже можно будет ни о чём не беспокоиться.

* * *

– Эта проклятая собака отказывается жрать кашу, – пожаловался кок, когда владелец «Королевы морей» изволил подняться на палубу. – Если она издохнет от голода, меня не вините. Я вчера слышал, как девчонка обещала, что сама будет возиться с этим зверем, вот пусть она за него и отвечает. Если это королевский подарок, то почему для него не предусмотрели провизию?

Дэнзету тоже очень хотелось бы знать ответ на этот вопрос, но поиск причин и виновников не сделает фьорага сытым. Пришлось поговорить с капитаном насчёт остановки и необходимости наловить для зверя рыбы. Гроу выразил свой восторг по данному поводу длинным перечнем бранных слов, но перечить хозяину корабля не осмелился, хотя мог бы. Ему тоже казались весьма странными обстоятельства этого путешествия, а больше всего капитана беспокоило то, что Уартхол выглядел необычайно мрачным и задумчивым.

– Если у нас есть ещё какие-то проблемы, о которых я не знаю, лучше скажи сразу, – раздражённо попросил Гроу.

– Ты когда-нибудь слышал о том, что король Иллиафии сам продаёт своих подданных работорговцам? – озвучил Дэнзет информацию, ставшую причиной его замешательства.

Капитан удивлённо поднял брови и посмотрел на него так, будто видел впервые.

– Странно, что ты этого не слышал. Сколько ты уже занимаешься выкупом рабов? Год? Больше? И за это время ты ни разу не задался вопросом, как люди становятся рабами?

– Я был уверен, что знаю о работорговле всё, – хмуро ответил Уартхол. – Гильдия строго соблюдает законы всех королевств, а пираты и контрабандисты плевать на эти законы хотели, но чтобы правитель продавал своих подданных...

– Их продают все короли, – сообщил Гроу очередную новость. – Ты хоть раз сам общался с рабами, которых выкупаешь?

– Нет, – честно признался Дэнзет. – Моя задача состоит в том, чтобы найти их, выкупить и переправить в Акильфадию. Прошлые и будущие этих людей меня не касаются.

– И никогда не интересовало?

– Нет.

Капитан криво усмехнулся и подозвал одного из матросов. Высокий худощавый парень лет двадцати был нанят на «Королеву» недавно, и Дэнзет даже его имени не знал, потому что в дела Гроу не вмешивался. Он вообще старался не забивать свою голову тем, что не имело отношения к непосредственным обязанностям посла или личным интересам.

– Знакомься, Уартхол, это Рик. Рикард Чассан. Помнишь такое имя?

– Чассан? – переспросил Дэнзет и задумался. – Чассан... Слышал, но не помню, где и при каких обстоятельствах.

– Ваши люди выкупили меня полгода назад у владельца плавильни, господин Уартхол, – открыто и доверительно улыбнулся ему парень.

– А, точно! – вспомнил Дэнзет. – Ты из Аукероста. Из бедной семьи, поэтому сделка была оплачена из казны Акильфадии. Тебя нашли в Хейнорме и перевозили сразу оттуда, поэтому я и не помню твоего лица. Мы не встречались.

– Рик, покажи лорду Уартхолу свои метки, – попросил Гроу.

Молодой человек выставил обе руки вперёд и повернул их запястьями вверх, чтобы Дэнзет мог разглядеть историю клеймения. По законам всех королевств клеймить рабов полагалось с правой руки вверх до плеча. Чаще всего история была короткой, поэтому одной руки вполне хватало, но случалось и так, что рисунок ожогов украшал обе конечности. По сведениям, имеющимся у Дэнзета, Рика перепродавали всего один раз, поэтому отметин должно было быть шесть. Первое клеймо на его правой руке принадлежало Гильдии работорговцев, как и второе, подтверждающее продажу. Третье и четвёртое, свидетельствовавшие о покупке и повторной продаже, были проставлены хейнормской плавильней. Пятое свидетельствовало о том, что парень выкуплен акильфами – все помощники Дэнзета имели при себе одинаковые печати-клейма, и ошибиться было невозможно. После выкупа Рика отвезли в Акильфадию и там клеймили в последний раз – печатью свободы. Все эти шесть отметин располагались на правой руке, а весь рисунок целиком заканчивался над локтем – так и должно было быть с учётом возраста молодого человека. Но это было не всё. Кожа левой руки Рика тоже оказа-

лась изуродованной. Гильдия работоторговцев, западный порт Тсалитана... Рисунок последнего клейма Дэнзет видел впервые, но там и первых двух не должно было быть.

– Это против всех законов островных королевств, – озадаченно пробормотал он, разглядывая свежие отметины. – Освобождённых рабов нельзя клеймить повторно.

– А кто правит королевствами, Дэн? – с усмешкой спросил Гроу. – Кто принимает законы, издаёт указы и волен менять их по своему усмотрению?

– Как это произошло? – спросил Дэнзет у Рика, с трудом сдерживая нарастающую ярость.

– Это моё решение, господин Уартхол, – ответил парень. – Я выкупил собой сестру. За ней пришли через месяц после того, как я вернулся домой, и я предложил себя вместо неё. Так можно.

– Нет, так нельзя! – возразил Дэнзет, едва ли не дрожа от злости. – И что значит «за ней пришли»?

– Рик, вернись к своей работе, – отпустил парня Гроу и сочувственно посмотрел на Уартхола. – Дэн, остынь.

– Да как такое вообще возможно?! – возмущённо воскликнул Дэнзет. – Для чего существуют законы и правила? Для кого? Зачем я трачу время и средства на поиски таких вот Риков, если потом...

– Я тебе уже давно и неоднократно говорил, что это бессмысленно, – ответил капитан. – Вы с Колехортами будто в другом мире живёте. В идеальном мире, где все люди честны, законы справедливы, а зло наказуемо. А настоящий мир по другому устроен, дружище. Спроси у любого, кто находится сейчас в пассажирских каютах, верят ли они в то, что Акильфадия сможет добиться отмены рабства. Они не верят, Дэн. Они благодарны вам за помощь и рады свободе, но для упёртых баранов вроде Рика эта радость не продлится долго. Добровольное рабство после освобождения не запрещено, и ты не можешь не знать этого. Да, тебе кажется, что ни один человек в здравом уме не захочет сам стать рабом, но, как видишь, такое случается. Чтобы вновь лишиться свободы, освобождённому рабу достаточно выразить согласие на повторное клеймение и получить разрешения короля. Так происходит везде, во всех королевствах. А добровольное согласие можно разными способами получить.

– Это немыслимо, – высказал своё мнение Дэнзет.

– Это реальность, – усмехнулся Гроу. – Некоторые торговцы живым товаром испугались Колехортов и сменили род деятельности, но таких мало. Теперь они кусают локти из-за упущенной прибыли, поскольку видят, что ничего не меняется. Рабство процветало три тысячелетия назад, процветает сейчас и будет буйно цвести и дальше. В Акильфадии его нет, но за её пределами дела обстоят вот так. Рик помогал поднимать груз на борт «Королевы», когда я увидел его отметины. Можешь плюнуть мне в лицо и расторгнуть контракт, но я выкупил этого парня у порта. Последнее клеймо на его левой руке принадлежит мне. Он мой раб. И пока он остаётся моим рабом, ни Гильдия, ни кто-либо ещё не смогут предъявить на него никаких прав. А я на правах хозяина могу позволить ему жить свободно. С рабским клеймом, да, но свободно. На нынешний день раб может получить настоящую свободу только таким путём. И я не держу Рика здесь насильно. Он может вернуться домой, когда захочет.

Дэнзет чувствовал себя так, будто он в мгновение ока переместился из одного мира в другой. Он и сам считал идеи Колехортов утопией. Даже говорил Маркусу, что избавить Сальсирию от рабства можно только одним путём – завоевать весь мир и установить в нём свои порядки. Тогда это было шуткой, просто словами, а теперь начинало походить на правду. Если королевства не хотят отмены рабства, никто не сможет навязать им это. Короли меняют законы в угоду Гильдии работоторговцев и сами продают своих людей. А люди вроде Рика добровольно подставляют руки под клеймо. Это не остановить выкупом и освобождением рабов. Бессмысленное занятие.

– Ты спросил у девчонки про духа стихий? – отвлёк его от мрачных мыслей Гроу.

– Не успел, – раздражённо ответил Дэнзет, чувствуя себя обманутым.

Он считал Гроу своим другом. Верил капитану. Делился с ним своими мыслями, советовался, а теперь вот узнал, что Гроу – рабовладелец. Контракт с рабовладельцем, заключённый в целях борьбы с рабством – это верх лицемерия. А расторгать контракт и распускать хорошую команду только потому, что эти люди не верят в чужие идеи и живут реальностью – верх глупости.

– Ты собирался поспать, – напомнил Дэнзет капитану.

– Расхотелось, – усмехнулся Гроу в ответ.

– Ну тогда посплю я. Разбуди через пару часов.

Он ушёл в капитанскую каюту, рухнул там на прикрученную к полу кровать, уставился невидящим взглядом в потолок и начал думать. На предложение Маркуса и Вей стать послом в Тсалитане Дэнзет согласился только потому, что Колехорты дали ему хоть какую-то цель в жизни – шпионить, выкупать рабов. Статус посла открыл многие двери, но не принёс ровным счётом ничего. Напиваться в трактирах до полусмерти, драться и просыпаться в сточных канавах было куда веселее, чем следовать этикету, присутствовать на скучных мероприятиях и жить в роскоши посольского дворца. Но работа Уартхола нужна была друзьям. А зачем, если она бессмысленная и бесполезная? Тсалитан построен на лжи. Да вся Сальсирия на ней построена. Даже друзья лгут. У Дэнзета нет провидцев, а у Колехортов они есть. Маркус не может не знать ту правду, которая открылась Дэнзету только что. А если знает, то с какой целью продолжает смешить оракулов и весь мир своими жалкими попытками искоренить неискоренимое?

Ответы на все эти вопросы можно было получить только от самих Колехортов, поэтому Дэнзет заставил себя успокоиться и заснуть. Телу и разуму нужен отдых. Хотя бы несколько часов. Гроу сказал, что «Королева морей» сможет встать на якорь только через два часа – у группы мелких каменистых островов, где можно быстро и без особых усилий наловить достаточно рыбы и для фьорага, и для людей. Два часа крепкого сна должно хватить для того, чтобы разочарование прошло. Нельзя разочаровываться в друзьях, не зная причин их поступков. Гроу свой поступок объяснил вполне логично – он мог дать Рiku относительную свободу только с помощью рабского клейма, поскольку других способов, увы, не существует. Теперь очередь объясняться за Маркусом, который должен прилететь на драконе к «Королеве» ближе к вечеру. Нет смысла изводить себя догадками раньше времени. Нужно просто подождать.

* * *

Навина ждала возвращения лорда Уартхола после завтрака, но он так и не пришёл, поэтому она решила отыскать его сама. Она не успела сказать ему, что фьорага не надо кормить каждый день, как обычную собаку. Эти существа подобны драконам – они большие, но едят мало. Эту самку точно хорошо кормили. Не тем, что ей нужно, но она не выглядит голодной и вполне может продержаться без еды несколько дней. Нужна только вода.

– Извините, а вы не знаете, где я могу найти господина Уартхола, – осведомилась девушка у первого же матроса, попавшегося на глаза.

– Он отдыхает в капитанской каюте, – ответил мужчина небрежно и заторопился дальше по своим делам.

– А где эта каюта? – спросила Навина ему вслед.

– Там, – махнул он рукой.

Определить точное направление по этому взмаху было невозможно. Девушка покрутила головой в попытках найти другой источник информации и заметила мальчика, сидящего на бухте каната с миской каши в руках. Этот мальчик недавно принёс еду в её каюту, а теперь завтракал сам.

– Эй! – окликнула его Навина, подойдя ближе.

Мальчишка повернулся к ней, проглотил кашу, которую только что сунул в рот деревянной ложкой, и спросил:

– Чего тебе? Если не наелась, иди на камбуз сама.

– Нет, я просто хочу спросить, где капитанская каюта находится, – прояснила ситуацию Навина.

– Хозяина ищешь? – понял мальчик. – Он спит. А твоя собака отказалась от каши. Её Эрлин пытался покормить. Это наш кок.

– Это не моя собака, – внесла поправку девушка. – И она не будет есть кашу. Тебя как зовут?

– Коул. Можно мне поесть? Остывает же.

– Да, конечно. Извини. А где ваш капитан?

Мальчик указал рукой в сторону высокой надстройки в задней части корабля и сунул в рот очередную порцию завтрака. Навина подобрала полы длинной юбки и отправилась в указанном направлении. Фьораг лежал у борта на том же месте, где она видела его в последний раз. Перед ним стояла широкая лохань, на треть заполненная тем, что этим утром ели все. Навина ногой сдвинула корыто в сторону, присела перед собакой на корточки и потрогала большой влажный нос – холодный. Фьораг доверчиво ткнулся ей в руку и вздохнул.

– Не нравится тебе здесь, да? – посочувствовала девушка зверю. – Потерпи, пожалуйста. Через несколько дней нас высадят на берег, и тогда...

Со стороны надстройки раздался крик – жуткий, будто какому-то человеку разом ломали все кости. Фьораг вздрогнул и глухо зарычал, у Навины сердце провалилось в желудок, а снующие по палубе матросы вели себя так, будто ничего не слышали.

– Что это? – спросила девушка у высокого парня, возившегося с рыболовной сетью неподалёку от неё.

– Уартхол, – ответил матрос. – Не обращай внимания. Он всегда орёт во сне.

– Он болен?

– Он псих. Спятил, когда в плену у кьорвигов был. Так-то нормальный, но иногда становится бешеным. Он обычно на палубе спит, чтобы никого не пугать своими воплями, а сегодня слишком жарко. А это правда фьораг? – кивнул парень в сторону зверя.

– Правда, – подтвердила Навина. – Ты её не бойся, она умная.

– Ага, – скептически усмехнулся молодой человек. – Страшная только, воняет отвратительно, и зубы у неё большие. Я слышал, что фьораги вымерли все ещё две тысячи лет назад.

– Не все, как видишь, – улыбнулась ему девушка. – А это капитан там наверху?

Парень посмотрел туда, куда она указывала, и утвердительно кивнул. Навина сделала несколько шагов в ту сторону, но остановилась, потому что снова услышала крик, в котором звучали одновременно боль, страх и ярость. «Так кричат дикие животные, загнанные в угол охотниками», – подумала девушка и решительно направилась дальше. Через минуту она уже стояла рядом с капитаном Гроу и давала ему разъяснения относительно питания фьорагов. Кажется, капитан обрадовался новости о том, что зверя не нужно кормить регулярно – он даже улыбнулся пассажирке, но после этого снова стал серьёзным и попросил рассказать всё, что она знает о духах стихий.

– Отец рассказывал, что эти духи помогают Великим Богам создавать миры и поддерживать в них равновесие стихий, – ответила девушка. – Сальсирия была создана из камня, который принадлежит земле. Один дух был изначально в этом камне, и понадобилось ещё четыре, чтобы мир получился живым и гармоничным.

– Стихий всего четыре, – напомнил ей Гроу.

– А магия? – улыбнулась Навина в ответ. – Вспомните, что случилось, когда Великая Богиня забрала у Сальсирии магию. Равновесие нарушилось, и воды стало гораздо больше, чем земли, а до этого всего было поровну. А потом магия вернулась, и Океан остановился.

– Но он не вернул землю, – снова возразил капитан.

– А я и не говорю, что эти легенды правдивы, – парировала девушка. – Вы просили рассказать всё, что мне известно, я и рассказываю. Мне тоже многое кажется нелогичным и неправильным, но уж как есть.

– Ладно, продолжай, – поморщился Гроу. – Хотя какое-то объяснение лучше, чем полное его отсутствие.

– Спасибо, – язвительно ответила ему Навина и продолжила свой рассказ. – У нас верят, что таких духов всего четыре, и они разные, как и стихии. То, что сегодня вас напугало, к северу от Иллиафии происходит довольно часто. Там нет островов и морских путей, поэтому вы не видели такого никогда, а я видела. Издалека. Если смотреть долго, то можно увидеть, как дух пожирает бурю в одном месте, а потом выпускает её в другом. И перед тем, как он появляется, чтобы поглотить ветер, молнии и тучи, воздух всегда особенный. Я не могу объяснить это ощущение, но... Это как... Не знаю. Как волнение что ли. Я всегда заранее знаю, появится он или нет. В этот раз тоже почувствовала, поэтому и сказала господину Уартхолу, что шторма не будет. Только вот у нас принято считать, что это северный дух, поэтому у меня нет ответа на вопрос, как он оказался здесь.

– То есть где-то существует дух огня, который может сожрать, например, драконье пламя, а потом выплюнуть его в другом месте? – уточнил капитан.

– Я не знаю, – призналась Навина. – Других духов я никогда не видела. Только этого. Или такого же. Я даже не берусь утверждать, что их всего четыре. До вчерашнего дня я вообще была уверена, что фьораг в этом мире остался всего один, поэтому теперь даже не знаю, во что можно верить, а что нужно сразу же пропускать мимо ушей. Отец говорил, что в нашем роду раньше были выпускники Храма Ветра. Маги воздуха. Один даже носил титул боевого мага. Они умели управлять не только погодой, но и духом стихий тоже. Он их слушался. Я подумала, что кто-то из вашей команды или пассажиров может иметь отношение к такой магии, и поэтому дух пришёл сюда.

– Если бы такой человек здесь был, то разве твоя псина не перевернула бы судно вверх дном, чтобы его сожрать? – насмешливо осведомился капитан.

– Это не моя псина, – уже в который раз повторила девушка. – И я не колдуна искала, а того, кто мог быть колдуном до того, как магия снова исчезла и осталась только у Колехортов. Это ведь произошло меньше двух лет назад. Просто было бы интересно узнать, каково это – быть магом. Хотя бы услышать. А та избитая девушка, которую привязали... Что с ней?

– Тебя это не касается, – отрезал Гроу.

– Вот и господин Уартхол тоже так сказал, – поморщилась Навина.

Будто услышав своё имя, спящий Дэнзет Уартхол снова издал дикий вопль, вслед за которым в этот раз послышался ещё и грохот.

– Проклятье! – выругался капитан, подозвал помощника, оставил своё место у штурвала и быстро спустился вниз на палубу по узкой лесенке.

– Что происходит? – полюбопытствовала девушка у нового собеседника.

– Ничего хорошего, – хмуро ответил ей моряк и устремил свой взгляд вперёд на линию горизонта, демонстрируя нежелание поддерживать беседу.

Но Навина всё-таки получила ответ на свой вопрос. Капитанская каюта находилась в надстройке под её ногами – сбоку от лестницы. Если перегнуться через поручни, что девушка и сделала, то можно увидеть дверь. Сначала эта дверь распахнулась, и на палубу вверх ногами вылетел капитан Гроу, а вслед за ним, сверкая яростным взглядом, выскочил и объект всеобщей паники, охватившей команду. Матросы разбежались и прятались кто куда с такой же скоростью, как недавно делали это при появлении в небе духа стихий. Капитан попытался подняться на ноги, но не успел – Дэнзет Уартхол схватил его за шиворот и вышвырнул за борт.

А дальше началось нечто и вовсе непонятное – фьораг медленно поднялся на все четыре лапы, грозно оскалил пасть, опустил голову книзу и с утробным рычанием пошёл прямо на разбушевавшегося владельца судна с явно недобрыми намерениями. Уартхол тоже опустил голову и зарычал, будто был зверем, а не человеком.

– Нет, перестаньте! – закричала Навина и кубарем скатилась вниз по лесенке, чтобы предотвратить беду.

– Куда ты, дура? Прячься! – крикнул ей вслед помощник капитана.

Но он опоздал с советом. Девушка втиснулась между разъярёнными противниками, выставив руки в стороны, будто это могло их остановить. Одна её ладонь упёрлась в мокрый нос фьорага, а другая – в грудь Дэнзета Уартхола.

– Перестаньте! – попросила она, но уже не так уверенно.

Слева горели пламенем ненависти глаза огромного пса. Справа дрожал от ярости человек, взгляд которого тоже не предвещал ничего хорошего. Их обоих не интересовало то, что находится «между» – они видели только друг друга и готовы были ринуться в бой в любое мгновение. «Магия! Фьораг чувствует магию! Но откуда она взялась в этом человеке? Почему раньше её не было? Как её убрать?» – лихорадочно искала Навина способ остановить это безумие. Объяснять огромному зверю, что этого человека рвать на куски нельзя, было бессмысленно. Вывать к разуму Дэнзета Уартхола? Но он не проявлял признаков наличия разума. Зверь против зверя – так это выглядело. Но всё же один из этих зверей был её должником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.